ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 32 АВГУСТ 1985

МОСКВА, 27 ИЮЛЯ 1985 ГОДА

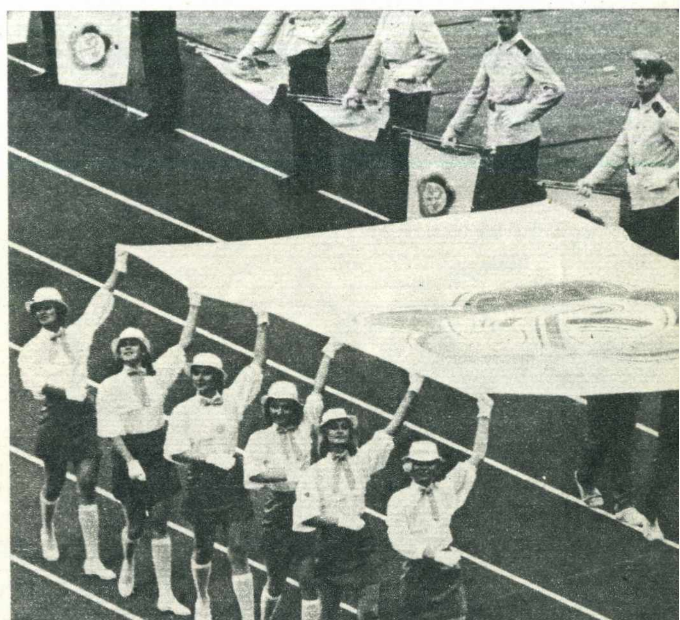

XII·МОСКВА·1985

МОСКВА, 27

Идут посланцы Австралии.

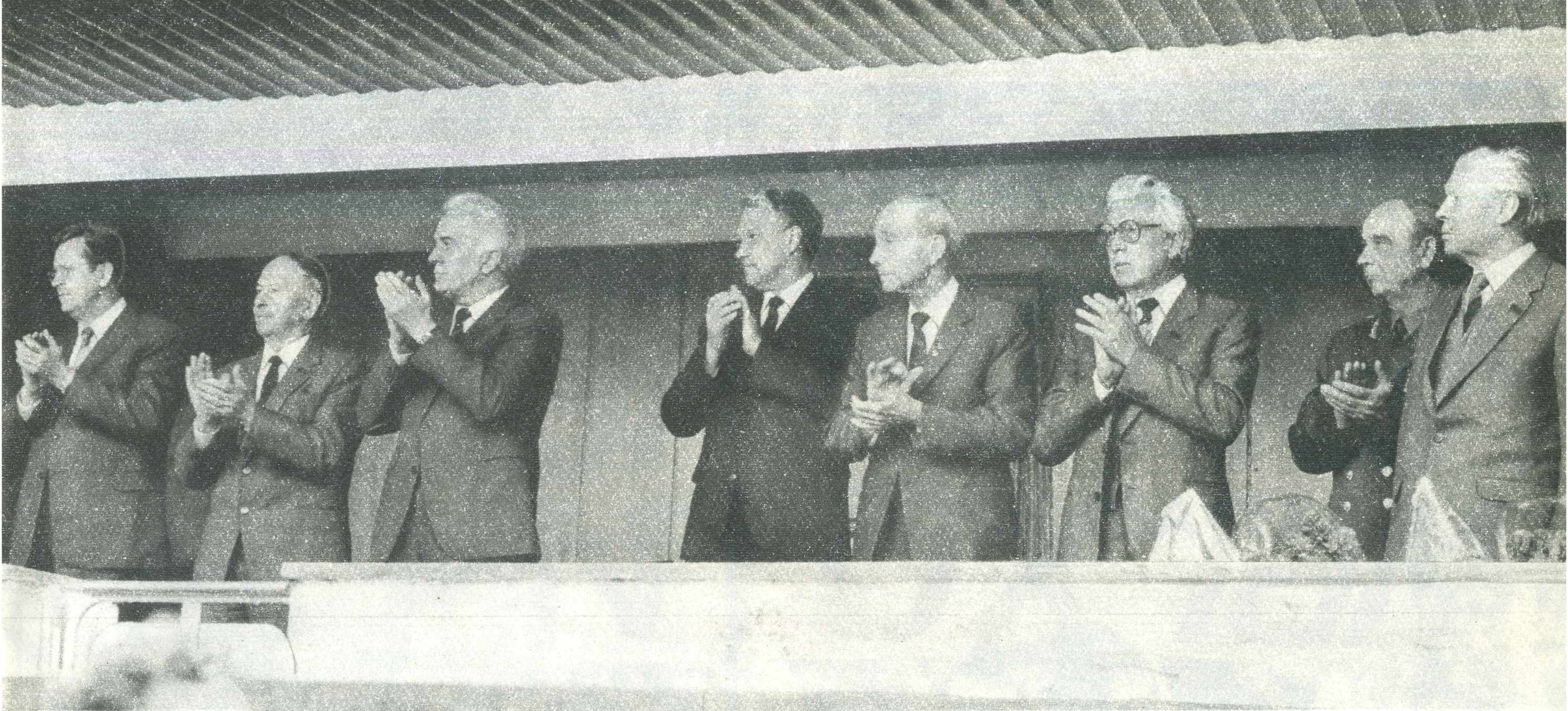

На стадионе — флаг фестиваля.

Юность Афганистана приветствует фестиваль.

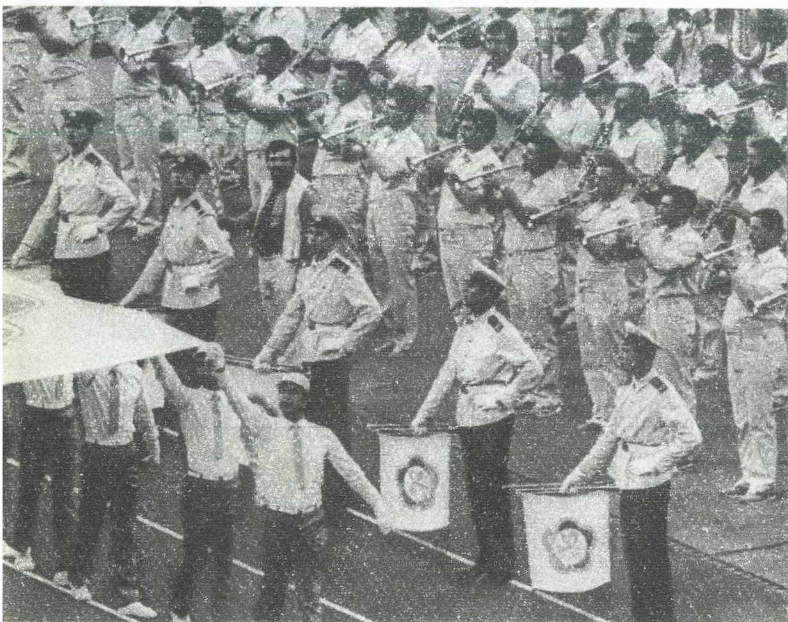

В центральной ложе стадиона имени В. И. Ленина во время торжественного открытия XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Фото В. МУСАЭЛЬЯНА и Э. ПЕСОВА (ТАСС)

ИЮЛЯ 1985 ГОДА

«Здравствуй, Москва!» — говорят молодые сирийцы.

Делегация Болгарии.

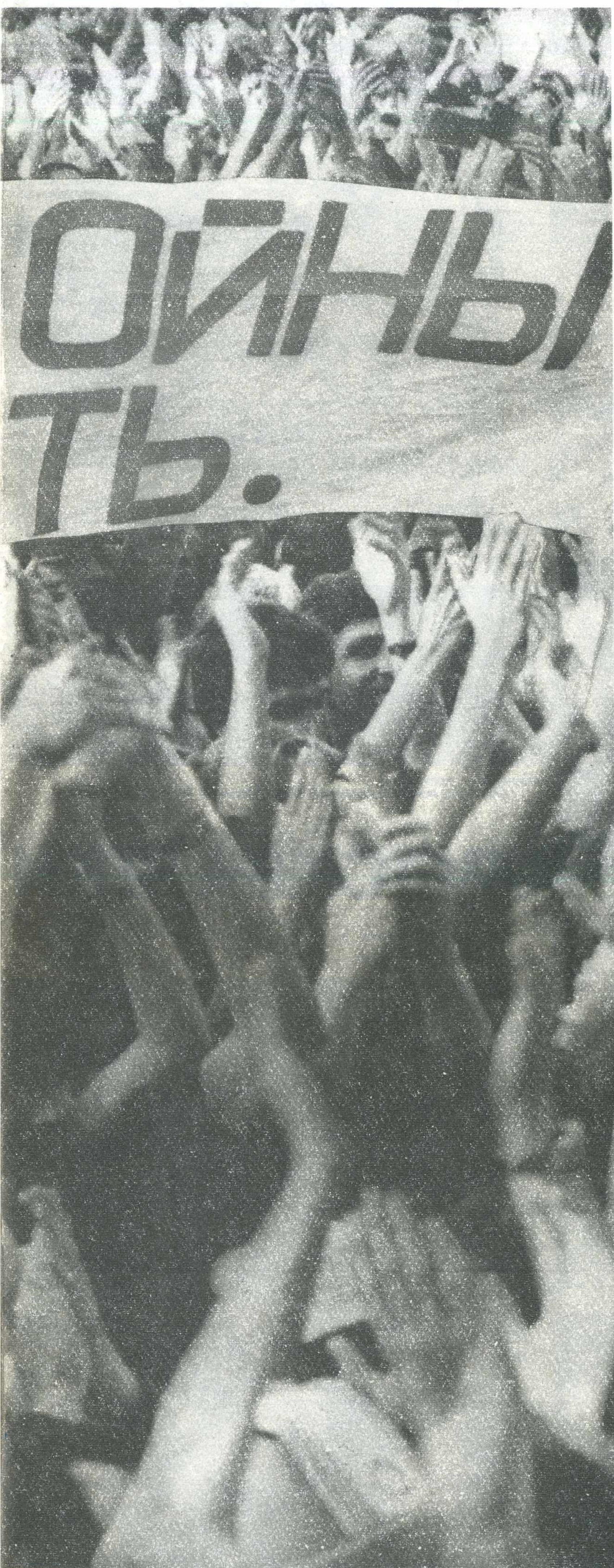
Делегация Соединенных Штатов Америки.

МОСКВА, 27 ИЮЛЯ 1985 ГОДА

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА

Продолжающаяся гонка ядерных вооружений несет в себе огромные опасности для будущего всей мировой цивилизации. Она ведет к росту напряженности на международной арене и усилению военной угрозы, отвлекая от созидательных целей колоссальные интеллектуальные и материальные ресурсы.

С самого начала ядерной эры Советский Союз ведет последовательную и энергичную борьбу за прекращение накапливания ядерных арсеналов, за обуздание военного соперничества, за укрепление доверия и мирного сотрудничества между государствами. Этому подчинена вся огромная по своим масштабам деятельность СССР в рамках ООН, на многосторонних и двусторонних переговорах по вопросам ограничения и сокращения вооружений. Советский Союз к военному превосходству не стремится — он за поддержание равновесия военных сил по возможности на более низком уровне.

Важным вкладом в укрепление стратегической стабильности и мира на земле явилось бы, по нашему убеждению, прекращение всех испытаний ядерного оружия. Ведь не секрет, что в процессе таких испытаний отрабатываются и совершенствуются новые, еще более опасные виды и типы оружия массового уничтожения.

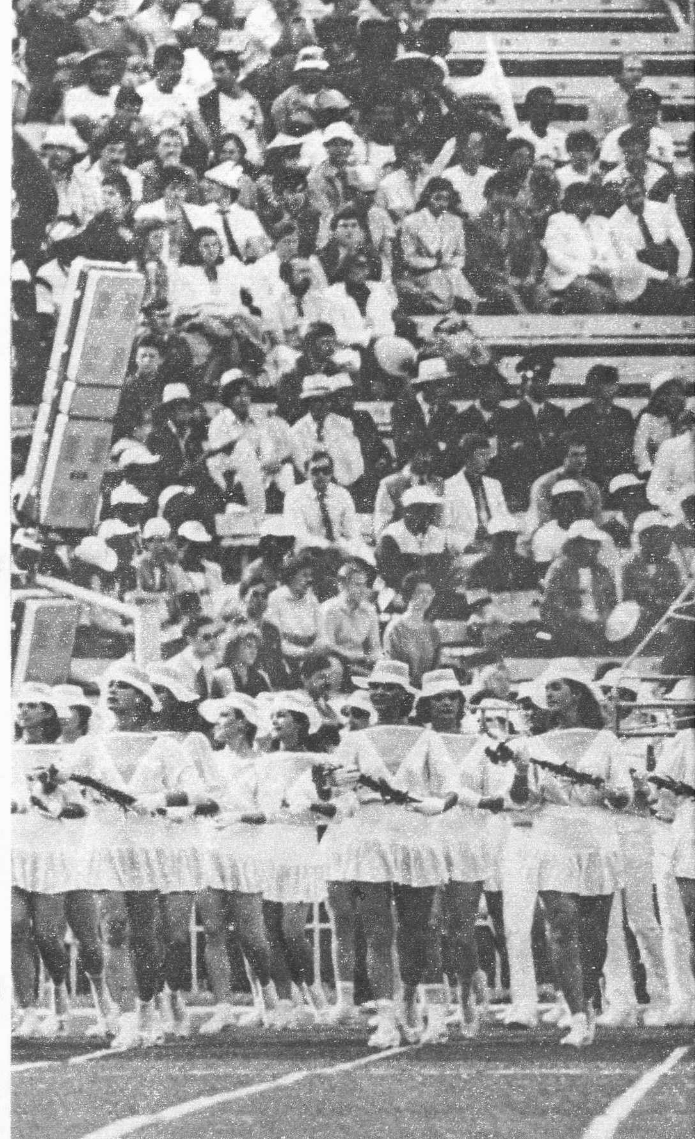
В интересах создания благоприятных условий для заключения международного договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия СССР неоднократно предлагал государствам, обладающим ядерным оружием, условиться о моратории на любые ядерные взрывы, начиная со взаимно согласованной даты. К сожалению, осуществить этот важный шаг пока не удалось.

В стремлении содействовать прекращению опасного соревнования в наращивании ядерных арсеналов и желая подать добрый пример, Советский Союз принял решение прекратить в одностороннем порядке любые ядерные взрывы, начиная с 6 августа сего года. Мы призываем правительство Соединенных Штатов прекратить с этой же даты, которая во всем мире отмечается как день трагедии Хиросимы, свои ядерные взрывы. Наш мораторий объявляется до 1 января 1986 г. Он будет, однако, действовать и дальше, если США со своей стороны будут воздерживаться от проведения ядерных взрывов.

Нет сомнений, что взаимный мораторий СССР и США на любые ядерные взрывы послужил бы хорошим примером и для других государств, располагающих ядерным оружием.

Советский Союз ожидает, что Соединенные Штаты позитивно откликнутся на этот почин, прекратят свои ядерные взрывы.

Это отвечало бы чаяниям и надеждам всех народов.

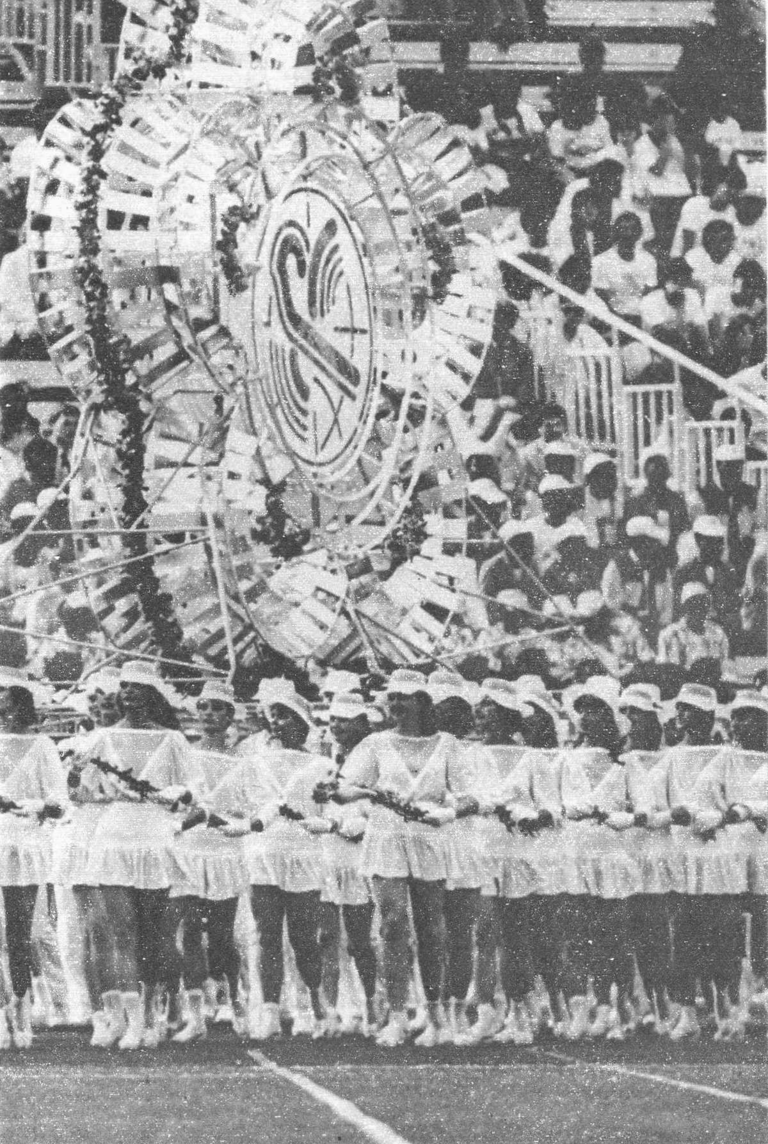

Одна из многочисленных фестивальных ромашек.

МОСКВА, 27 И

◀Факел фестиваля в руках Галины Гагариной и Павла Ратникова.

Привет, фестиваль! ▶

ЮЛЯ 1985 ГОДА

Самые юные...

Во время беседы. Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ВСТРЕЧА М. С. ГОРБАЧЕВА С А. КУНЬЯЛОМ

27 июля состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем Португальской компартии Алваро Куньялом, находившимся в Советском Союзе по приглашению ЦК КПСС.

В ходе беседы, проходившей в обстановке братской дружбы и солидарности, характерных для отношений между КПСС и ПКП, состоялся обмен информацией о деятельности обеих партий, а также по некоторым международным вопросам.

Обмен мнениями подтвердил единство взглядов КПСС и ПКП по всем обсуждавшимся вопросам. Было выражено обоюдное стремление, руководствуясь испытанными принципами марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, и впредь крепить дружбу и сотрудничество обеих партий в интересах народов Советского Союза и Португалии, в интересах дела мира, демократии и социализма.

КОНСТРУКТИВНЫЕ ВЗАИМНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

30 июля в Хельсинки открылась встреча представителей 35 стран, посвященная 10-летию Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Советский Союз на встрече представляет член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе.

Подписанный десять лет назад главами 33 европейских государств, а также США и Канады Заключительный акт совещания закрепил политические и территориальные итоги второй мировой войны, наметил пути к преодолению противостояния государств в Европе, пути к жизни в мире и плодотворном сотрудничестве, без вмешательства во внутренние дела друг друга. Начавшаяся юбилейная встреча на уровне министров иностранных дел подтверждает значение Заключительного акта как важного фактора в международных отношениях.

Большой интерес среди участников встречи вызвала новая советская мирная инициатива — объявленное товарищем М. С. Горбачевым решение Советского Союза о введении в одностороннем порядке моратория на любые ядерные взрывы. Этот шаг рассматривается как новое проявление стремления Советского Союза к радикальному улучшению политического климата в Европе и в мире в целом.

Однако, как показали заявления некоторых участников встречи по прибытии в Хельсинки, не всех устраивает дух разрядки и равноправного сотрудничества в условиях мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем.

Во дворце «Финляндия» встречу открыл Президент Финляндской Республики М. Койвисто.

С вниманием было выслушано выступление Э. А. Шеварднадзе. Он подчеркнул, что Советский Союз выступает за достижение договоренностей на честной и равноправной основе, которые помогли бы всем продвинуться к заветной цели — к полному устранению угрозы ядерной войны, упрочению устоев всеобщего мира.

На встрече выступает Президент Финляндской Республики Мауно Койвисто. Телефото Э. Песова (ТАСС)

РАСХОДОВАТЬ — ЗНАЧИТ И БЕРЕЧЬ

В 1982 году наш завод выступил с почином увеличивать выпуск продукции без увеличения фондов основных материалов. За пятилетку было запланировано снизить расход металла на 15,3 процента. А уже к концу нынешнего года снижение должно составить 15,7 процента. Вот так мы ищем резервы и находим. Но жизнь идет и за пределами нашего завода. И мне хочется со своими мыслями тоже выйти за его пределы.

...Подземный переход на площади имени Якуба Коласа только-только открыли. И тут же закрыли. Применяя современную технику, принялись отколупывать прежнюю облицовку стен, заменяя ее мраморной плиткой. Хотелось спросить: а где же вы были раньше? Зачем потратили материалы, усилия рабочих?

Но у кого спросить?! Кто отвечает за эту явную бесхозяйственность?

Рабочего наказывают за испорченную деталь, а кто отвечает за кирпич, превратившийся в мусор из-за разрешенных кем-то перевозок навалом, за фасады зданий, которые начинают облезать сразу после покраски? Сколько же средств и материалов пропадает! Даже такому богатому государству, как наше, накладно!

Конечно, разумно призывать не жечь без надобности свет в подъездах, не оставлять открытыми краны в квартирах. Но с не меньшей последовательностью и решительностью надо пресекать расточительство, которое порой похоже на узаконенное. Узаконенное, потому что из года в год фиксируется оно в актах, решениях и прочих документах, а потом гласно и негласно утверждается. Считает ли кто-нибудь, сколько стоит дом, который нужно переделывать еще до заселения?

Подобная практика сугубо порочна и в нравственном отношении, потому что отучает жить, следуя народному мудрому правилу: от понятия «расходовать» понятие «беречь» неотделимо.

М. ИЛЬЯСЕВИЧ,
заместитель главного технолога
Минского мотовелосипедного завода,
заслуженный рационализатор БССР

ОТ РЕДАКЦИИ. Читатель М. Ильясевич не знает, у кого спросить за явную бесхозяйственность, за порочную практику не беречь государственные, не свои средства. Но адрес тут ясный и точный — исполком Минского горсовета народных депутатов. Он — хозяин в городе, в конечном счете с него и главный спрос.

К сожалению, письмо, подобное этому, не единственное в читательской почте. То старые деревья в городе вырубят под стройплощадку, а потом снова сажают на том же месте новые, молодые деревца, которым еще расти и расти; то разные ведомства не могут скоординировать свои усилия по прокладке траншей и по два-три раза раскапывают улицу на одном и том же месте, чтобы каждый уложил свои коммуникации к жилым домам.

Дорогие читатели, мы еще раз напоминаем вам о нашей рубрике «Бережливость: разные аспекты». Редакция приглашает вас активнее подключиться к разговору о самых разных аспектах бережливости, экономии топлива, электроэнергии, строительных материалов, о людях, проявляющих инициативу, непримиримость там, где можно достичь высокой эффективности производства с минимальной затратой средств. Расскажите о руководителях, партийных и советских, профсоюзных и комсомольских работниках, умеющих воспитывать у тружеников хозяйское отношение к общественному добру, умеющих полностью, целесообразно использовать все, что нам дано.

Ждем и ваших острых писем, вскрывающих факты разбазаривания средств, бездумного их расходования, распыления, омертвления больших капиталов. Назовите адреса транжир, расскажите, что способствует им в их антигосударственной деятельности.

ИЗОБРЕТЕНИЕ ЖДЕТ...

Я смотрел на раскопанную улицу, на трубы, лежащие в земле и изъеденные ржавчиной, на работающий невдалеке маленький экскаватор и думал о том, что такая картинка в наших городах стала типичной. Что делать, трубы, лежащие в земле, подвергаются коррозии, выходят из строя и требуют замены. Как ни крути, а приходится раскапывать улицу и заменять их примерно через три-четыре года.

Проблема? Да еще какая! Но самое интересное: она ведь уже решена, правда, не на практике.

М. ЩУКИН

ЗАСЛОН КОРРОЗИИ

Я побывал в Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта (НИИЖТе), где долго и не очень весело разговаривал с руководителем научно-исследовательской группы полимерных покрытий кандидатом технических наук Владимиром Емельяновичем Дубенчаком. Владимир Емельянович вместе со своими немногочисленными коллегами (в группе всего четыре человека) вот уже много лет занимается важной темой: нанесение полимерных покрытий. Тех самых, которые могут увеличить в несколько раз срок службы трубы, закопанной в землю. Впрочем, лучше всего об этом скажет сам специалист.

— Метод нанесения полимерных покрытий известен давно. С помощью специальной установки порошок тонким слоем наносится на изделие (труба, железный лист, кирпич...) и становится своего рода предохранительной рубашкой от воздействия внешней среды. Срок службы изделия увеличивается в три-четыре, а иногда в десять или даже больше раз, в зависимости от условий. В промышленности же у нас чаще всего для покрытия применяют лакокрасочные материалы. По стоимости они примерно равны полимерным порошкам. Но, во-первых, по прочности их нельзя и сравнивать, во-вторых, при толщине 20—25 микрон одним килограммом краски можно покрыть лишь четыре квадратных метра поверхности, а полимерными порошками — 9 — 10 квадратных метров, в-третьих, во время высыхания краски «выдают» в воздух большое количество химических вредных веществ, а полимерные порошки безотходны, они идут «в дело» на сто процентов.

— Но ведь изделия, покрытые такими порошками, придется перевозить, укладывать, короче говоря, работать с ними. Покрытие не отскочит?

Владимир Емельянович молча берет со стола железный лист и начинает со всего маху бить по нему молотком. Покрытие держится. И только тут замечаю: железный лист основательно избит, что называется, живого места на нем нет, видно, я не первый, кому он демонстрируется. А покрытие все держится.

— Применять полимерные порошки,— продолжает Владимир Емельянович,— можно едва ли не во всех отраслях промышленности. Представляете, какая будет огромная экономия металла! Или вот, посмотрите...

Он ставит передо мной обычный строительный кирпич. Обычный-то обычный, да не совсем. Одна его сторона блестит и радует глаз, словно мозаичная плитка. Это тоже полимерное покрытие. А если в порошки добавить сухой краски, то можно получать строительный материал всех цветов радуги.

— Учтите, что установка по напылению полимерных порошков «врезается» в самый конец производственного цикла. Так что никакой перестройки существующего производства не требуется.

Установка по напылению сконструирована и смонтирована здесь же, в научно-исследовательской группе НИИЖТа. Она рассчитана, как говорится, на все случаи жизни. В этом легко убедиться, если процитировать названия авторских свидетельств (да простит мне читатель обильные техницизмы, без них в наш век не обойдешься): «Способ нанесения покрытий на арматуру железобетонных изделий», «Способ нанесения покрытий на внутреннюю поверхность труб и устройство для осуществления способа», «Связка для абразивных инструментов» и т. д. Всего же в авторском активе научно-исследовательской группы шестнадцать авторских свидетельств.

В нынешнем году на ВДНХ разработки нииж-товцев были отмечены двумя золотыми, одной серебряной и четырьмя бронзовыми медалями. А в книге отзывов посетители оставили вот такие записи:

«Хочется, чтобы все это поскорее пришло на производство. Особенно полимерное покрытие для защиты от коррозии поверхности труб, что приведет к уменьшению строительных работ на улицах городов».

«Огромную ценность, по нашему мнению, представляет собой разработка «Полимерные антикоррозийные покрытия». Масштабы применения ее по всей стране огромны. Хотелось бы применить эти покрытия на нашем заводе».

«И такая установка не внедряется! Это же нелепость!»

Подобных отзывов много. Но дело не в количестве, дело в другом: написаны они не просто любопытствующими, а специалистами производства, научными сотрудниками, людьми, которые судят о данном вопросе не понаслышке, но исходя из конкретных задач сегодняшнего дня.

Итак, речь о внедрении.

«А У НАС НЕ РЖАВЕЕТ»

Вопрос внедрения — самый больной. Вспоминая свои хождения по инстанциям десятилетней давности, Владимир Емельянович грустно признался:

— Сначала я даже опешил: оказывается, это никому не нужно!

Да, такая вот, к сожалению, нередкая ситуация: ученый со своим изобретением стучится в различные служебные двери, но эти двери перед ним даже не открывают, а если и откроют, то дальше разговоров дело все равно не пойдет. Вот какой монолог пришлось выслу-

шать на Новосибирском металлургическом заводе имени Кузьмина одному из членов научно-исследовательской группы.

— Да у нас эти трубы непокрытые с руками отрывают! Мы план должны давать. С нас в первую очередь план спрашивают! Вот если будет указание сверху...

Но указания нет. План выполняется, но труб все равно не хватает. Потому что они быстро приходят в негодность, их нужно заменять.

Получается странная ситуация, как в сказке про белого бычка.

Или такой случай. В 1979 году в газете «Гудок» В. Е. Дубенчак опубликовал статью «Как обуздать коррозию». Не буду ее пересказывать, приведу только одну цитату: «За последнее десятилетие группа полимерных покрытий НИИЖТа накопила немало экспериментальных материалов по защите от коррозии арматуры железобетонных, золобетонных и газобетонных конструкций, арматуры мостов и труб. Полимерные покрытия выдерживались в растворах бромистого лития, в смеси соляной и азотной кислот при температуре 150 градусов в течение года и, несмотря на это, сохранили защитную способность». Дубенчак предлагал, чтобы МПС взяло новшество под свой контроль, как-то помогло. Ответа не последовало. Тогда, будучи в Москве по делам, он сам идет в министерство. Там его выслушали, с кем-то посоветовались и пришли к убийственному выводу: у нас-де ничего не ржавеет. Дубенчак махнул рукой. Ну что тут скажешь? Уж он-то знает. Как технического эксперта по нескольку раз в год его вызывают в Западно-Сибирское отделение дороги: то крепления опоры проржавели, то костыли настолько усохли, что стали похожи на тонкие гвозди и уже ничего не держат...

Впрочем, писать об этом можно долго и много. Неповоротливость с внедрением обходится государству очень дорого. В последних партийных документах об этом сказано ясно и четко. Так где же выход? Сидеть и ждать, когда перестроится хозяйственный механизм? Но дело-то нужно поправлять сейчас, сегодня, не откладывая на будущее. В Новосибирске такой выход нашли.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Несколько лет назад при Новосибирском обкоме партии был создан совет содействия научно-техническому прогрессу. В него вошли ученые, специалисты, командиры производства, партийные работники. Главная цель совета — преодолевать ведомственные барьеры и самые важные, неотложные проблемы решать сообща. По каждой такой проблеме создана своя программа, где ясно и четко определено, кто и за что отвечает. Разработана программа и по внедрению технологии полимерных покрытий. Дело сдвинулось. По проекту ниижтовцев на нескольких заводах уже монтируются или планируются установки по напылению. В институтской лаборатории все чаще появляются посетители: покажите, дайте, подскажите. Отказа никому нет.

Вот и в тот раз я встретил в институтской лаборатории конструктора с новосибирского производственного объединения «Сибэлектротерм» В. Р. Безсуднова.

— Что вас сюда привело?

— Нужда,— кратко ответил Виталий Романович. И пояснил: — Выпускаем мы небольшой электронагреватель, в сельском хозяйстве, особенно в животноводстве, он нужен позарез: и небольшое помещение им можно отопить, и воды подогреть... Но вот беда — коррозия. Сейчас делаем полимерное напыление.

— И во сколько раз вы собираетесь увеличить срок службы котла?

— Раза в три как минимум.

Вроде бы все хорошо, но одно сомнение у меня осталось.

— А юридически, документально как ваши отношения оформляются?

Дубенчак с Безсудновым переглянулись и откровенно рассмеялись.

— А никак. На общественных началах. Если оформлять договор, то деньги на него отпустят неизвестно когда, а дело стоит. Вот мы и упрощаем эту бухгалтерию...

Тут бы восхититься по-журналистски бескорыстием людей, но мне почему-то восхищаться не хотелось. Как же так? Почему люди, убившие столько сил, энергии, остаются без вознаграждения?

Чем дальше знакомишься со всеми обстоятельствами, тем больше возникает вопросов. На них пора отвечать. И веское слово остается за планирующими органами. Необходимо время оформления таких договоров сократить до минимума, чтобы предприятие, узнав о нужной ему разработке, могло тут же и решить все вопросы, с ней связанные.

А пока все идет по-старому. В последние годы интерес производственников к разработкам ниижтовцев резко подскочил. Думается, подскочил не сам по себе — жизнь подтолкнула. Ведь коррозия — это настоящий бич современного производства. И идут в институт со всех концов страны письма, начиная с пароходства (Прибалтика) и кончая районной «Сельхозтехникой» на Дальнем Востоке. Просят: пришлите чертежи. А иногда просители заявляются прямо в лабораторию: «Продайте или подскажите, где можно закупить». Увы, нигде. Промышленность не выпускает установок по напылению, если не считать установку АЗП-1. Но она имеет существенные недостатки, а самое главное — предназначена для обработки малых деталей, образно говоря, для штучной работы. Жизнь же настоятельно требует мощной установки, которую можно было бы применять на больших промышленных предприятиях. Когда она будет? Неизвестно.

Интересный разговор произошел у меня в Новосибирском институте ЦНИИолово с сотрудницей Александрой Ивановной Гладышевой. На новосибирском оловокомбинате сотрудники института провели такой эксперимент. В трубы, по которым подаются особо агрессивные растворы, они опустили несколько образцов стали-3, нержавеющей стали, титана, чугуна и несколько образцов, обработанных полимерными порошками. Используя, кстати сказать, разработки ниижтовцев.

— И вот результат, посмотрите. — Александра Ивановна придвигает ко мне образцы, изъеденные ржавчиной, уже потерявшие форму. А те, которые обработаны порошками, целенькие, даже цвет не изменился.

Сейчас на оловокомбинате монтируется установка по напылению полимерных порошков.

— На комбинате не могут ждать, когда какое-то министерство развернется и начнет серийный выпуск установок,— говорит Александра Ивановна. — Поэтому и делают все сами. Но в принципе-то было бы лучше, если б мы те же заглушки получали уже обработанные порошками.

Трудно не согласиться с этим. Действительно, сегодня эта мера необходимая — никого не дожидаясь, внедрять самим. Но если думать о завтрашнем дне, то надо планировать внедрение полимерных покрытий в больших, промышленных масштабах. Строители тогда не будут сами делать свою установку, как, скажем, делает сейчас строительный трест в Новосибирске, они получали бы эти трубы уже готовыми от завода, где те изготовляются.

Конечно, одним махом тут не решишь всех проблем. Но решать-то надо. Жизнь подталкивает. В этой статье речь идет только о разработках, сделанных в НИИЖТе, а ведь этой проблемой занимаются и другие научные учреждения, в частности Уральский научно-исследовательский институт трубной промышленности, на счету которого тоже немало конкретных, уже опробованных разработок. Пора эти усилия объединить, отобрать самое лучшее и внедрить в производство.

Как говорится в старой пословице, игра стоит свеч. От коррозии народное хозяйство ежегодно теряет миллиарды рублей.

Новосибирск.

бережливость: разные аспекты

ЭКОНОМИТЬ В БОЛЬШОМ И МАЛОМ

Фото А. БЕККЕРА (ТАСС)

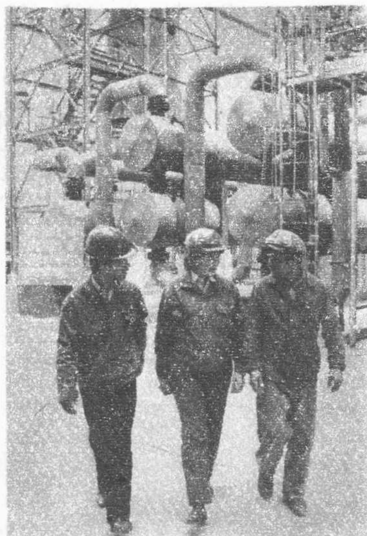
По-ударному несет вахту в честь XXVII съезда КПСС коллектив Новобакинского нефтеперерабатывающего завода имени Владимира Ильича. Примечательно, что рабочие многих установок уже в первом полугодии выполнили один из основных пунктов своих годовых обязательств: два дня проработали на сбереженных ресурсах.

Десятки тысяч тонн высококачественного бензина выпустил сверх плана цех каталитического риформинга.

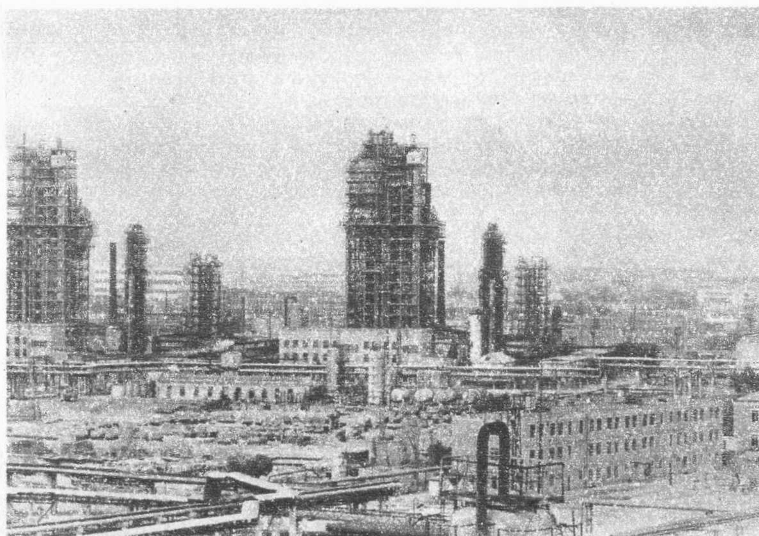
Возглавляет этот коллектив коммунист Давуд Мамедов. Он самый молодой на предприятии руководитель цеха. А вот стаж у него уже немалый — на заводе более десяти лет. Начинал оператором, без отрыва от производства окончил вечернее отделение института нефти и химии, теперь начальник цеха, член партийного бюро.

Молодежи на заводе трудится много. Всех их объединяет одно — желание как можно лучше делать свое дело.

Девиз коллектива сегодня: «Экономить в большом и малом». Заводу удалось, увеличив объем производства, в этой пятилетке снизить расход электроэнергии и топлива. Бережливости способствует выбор оптимальных технологических параметров. Немалую лепту вносят рационализаторы, народные контролеры, в экономии заинтересован здесь каждый работник — от операторов до руководителей всех звеньев производства.

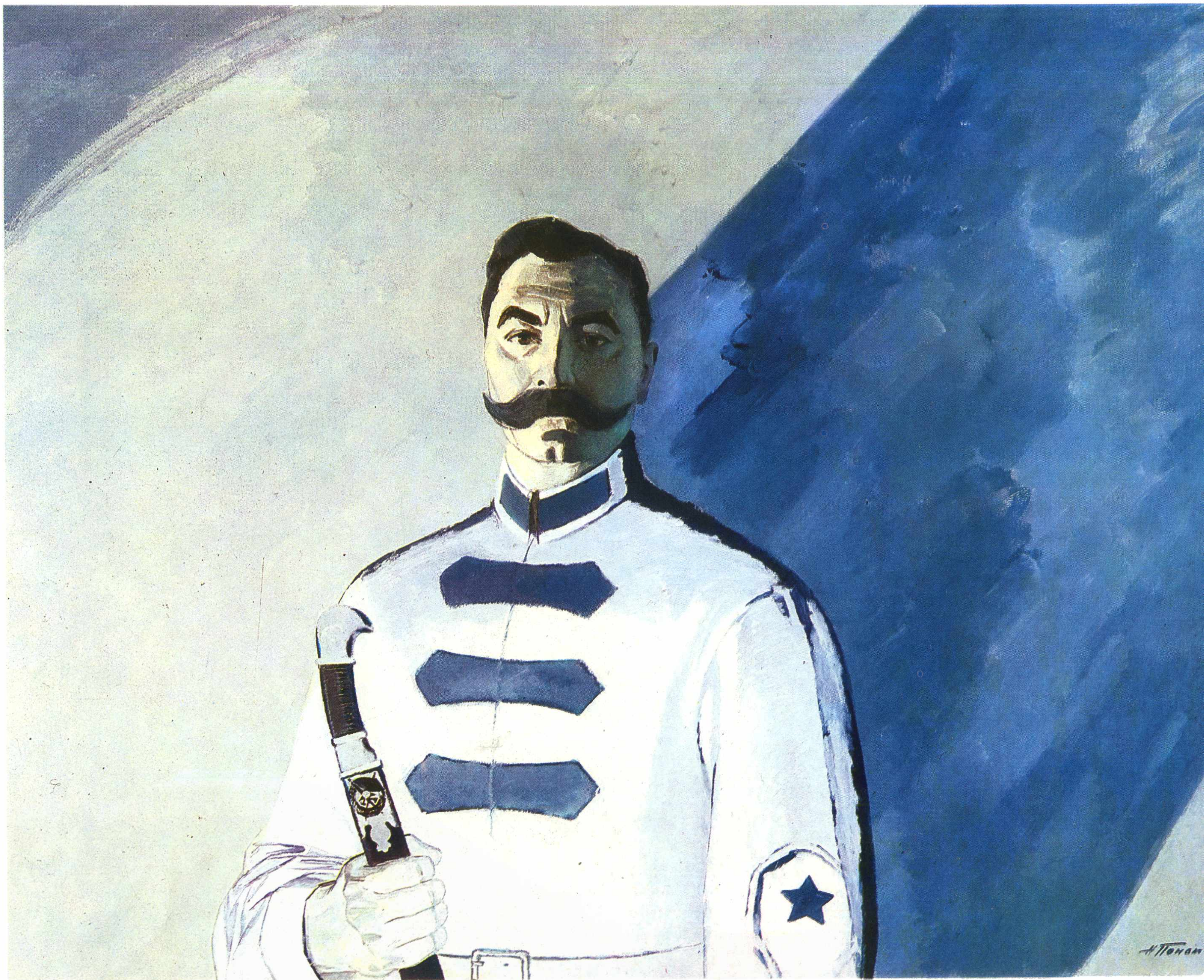
После смены.

Один из участков Новобакинского нефтеперерабатывающего завода.

Держат совет инженеры цеха каталитического риформинга: Давуд Мамедов, Наиль Амиров, Адалят Кулиев.

Н. Пономарев. Род. 1918. КОМАНДАРМ С. М. БУДЕННЫЙ. 1985.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

Т. Салахов. Род. 1928. ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ. 1984.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

З. КРЯКВИНА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Большие заботы малых рек

У каждого человека есть своя река или речка детства. У одних это полноводные Волга, Дон, Обь, Енисей; у других — реки поскромнее, но тоже отмеченные на географических картах. У большинства же это уютные, тихоструйные речушки, как и речка моего детства Эртиль. Название для среднерусской полосы необычное — дано оно в те давние времена, когда через донские степи прошли татарские орды. В переводе с тюркского — это земля, где можно селиться.

Хотя и мала моя реченька, но с самого детства я знала, что где-то вдалеке от дома она вливается в Битюг, а тот несет ее воды в державный, привольный Дон.

По весне воды в ней было так много, что она широко разливалась, а когда вновь входила в берега, на затопляемом лугу блюдцами сверкали озерца, в которых вездесущие мальчишки да и мы, девчонки, руками ловили щурят, пескарей, ершей и даже пучеглазых раков. Наступало лето, а рыбная ловля не кончалась — в Эртильке, так ласково мы называли свою речку, наловить ведерко рыбы даже для нас, ребятни, не составляло особого труда.

В памяти сохранилось, как распускалась и цвела у речушки верба, как на чистой глади раскрывались желтые глазки кувшинок. По берегу зеленела трава, пестрели разноцветьем пойменные луга, а в воздухе стоял запах чебреца и дикой мяты. Справа и слева от речки разбегались избы, одно за другим шли села: Ершовка, Прокуроровка, Соколовка... По утрам, гомоня, спешили к речке бесчисленные стада уток, гусей...

...Прошло более тридцати лет. И нынешним ранним летом я снова увидела старого друга — мою речку. Во многих местах она заросла камышом и осокой, заболотилась, обмелела. В красноватом вечернем зеркале отражались одинокие ивы. Берега сухие и пыльные. Огороды знакомых с детства сел доходят кое-где до самой воды. А ее так мало, что речку можно перейти вброд, и это в ту пору, когда только что схлынула полая вода. С грустью думала я об этом, стоя на том самом мосту, который в детстве сносило в половодье водой.

Захотелось узнать о судьбе соседних малых речек. Как им живется? Схожа ли их судьба с судьбой моей речки?

Еще до приезда в Эртиль не раз читала и знала, что три года назад жители Самовецкого, Каверинского и Шмаровского сельсоветов трех пограничных областей — Воронежской, Липецкой и Тамбовской (Эртильский район как раз посредине) — на совместном сходе посоветовались, как сберечь реку Битюг, облегчить участь других здешних малых рек, спасти их от загрязнения и истощения.

— Слово «битюг» означает «большая вода», «большая река»,— говорил тогда кавалер трех орденов Славы, ветеран труда из колхоза «Заря» Эртильского района Иван Дмитриевич Рудницких.— А где она, эта вода? Нет ее нынче в Битюге. От водоохранных лесов остались лишь лоскутки. Приречные поймы распаханы и выбиваются скотом. В весенние паводки и ливни катят по ним мутные потоки, унося с полей драгоценный чернозем. Что же это мы творим, дорогие земляки? Доколе будем сидеть сложа руки? В войну всю страну отстояли. Неужели всем миром речку защитить не сумеем?..

— Сумеем, если возьмемся всем миром,— поддержал ветерана директор Эртильской лесомелиоративной станции Виталий Федорович Коврижко.

Теперь, спустя три года, я встретилась с людьми, которые вели тогда взволнованный разговор на сходе.

— Давайте проедем по речкам района,— предложил Коврижко,— сами увидите, что уже сделано, познакомитесь с людьми, которые болеют за судьбу малых рек.

Сначала мы отправились на Токай — есть и такая речка на воронежской земле. Нашим проводником был лесник Владимир Михайлович Кириллов. Дорога шла лесом. Над головами тихонько шелестели мохнатые клены, вскоре их сменили пушистые липы, а дальше пошли цари степей — плечистые, кряжистые, с раскидистыми кронами дубы.

— Это рукотворные леса,— **заметил лесник.— Когда-то здешнее место называлось Сухая вершина. Была она гола, под степным солнцем на ней быстро выгорали посевы и травы. Дубраву начали сажать в 1898 году и закончили в течение пяти лет. Посадкой руководил поручик корпуса лесничих Александр Николаевич Поляков, как рассказывают, не без влияния великого русского ученого Василия Васильевича Докучаева, который в это же время вел совсем рядом необычайно смелый эксперимент по преобразованию природы Каменной степи. Неподалеку от нас в лесу стоит памятник Полякову, единственный в своем роде.**

Памятник и впрямь оригинален. Постамент, круглая из розового мрамора колонна с надписью: «Трудами Александра Николаевича Полякова и помощника его по разведению лесов Тихона Яковлевича Рытова возращено их в сем имении 302 десятины 958 квадратных сажен, в память чего поставлена сия колонна».

Прошли годы, но чудо степи — зеленый островок леса, созданный когда-то энтузиастами, служит людям. Словно гигантский щит, заповедная ныне дубрава надежно и бережно прикрывает живые родники Токая от высыхания, подтягивает и держит корнями грунтовые воды. Речка здесь на диво глубока и чиста. Лес спускается к самой воде, могучие дубы смотрятся в светлую гладь — наглядный пример, как живительно, благотворно сказывается влияние леса на сохранности степного водоема.

Владимир Михайлович хозяйничает на Дондуковской даче одиннадцатый год. Любовь к лесу унаследовал от отца, Михаила Ильича, который мальчишкой сажал эту дубраву, а потом, когда подрос, стал лесником, верным ее рыцарем.

За разговорами незаметно выходим из леса. Еще несколько сот метров, и речка совершенно меняется. Становится уже, с обеих сторон к воде подступают камыши. Благотворное влияние подземных ключей, лесных родничков кончилось, «раздетая» речка текла по открытой солнцу и ветру степи и теперь ничем не питалась. Но вот Владимир Михайлович обращает мое внимание на пока еще крохотные саженцы черемухи и ветлы. Они появились на голом берегу всего несколько недель назад, им еще, конечно, расти и расти. Это уже дело рук Владимира Михайловича и его односельчан.

— Хорошо прижились. Крепенькие,— радуется лесник и продолжает: — Скоро у меня и помощник появится. Сын Сережа осенью со службы в армии возвращается. Мы с ним на пару Хреновский лесхоз-техникум закончили, я и его к лесной науке приобщил...

Истинных любителей природы и ее охранителей мы встречали всюду. В какое бы селение ни завернули, нам везде сообщали о том, что сделано этой весной для спасения малых рек. Учащиеся Соколовской средней школы, например, засадили четыре километра берега Эртиля ивами и тополями; жители деревни Самовец заложили по Битюгу новую дубраву вплоть до урочища Долгое; в колхозе «Заря» в день Ленинского субботника на озеленении прибрежных склонов работало двести человек. В апреле — мае в районе появилось сверх плана сорок гектаров овражно-балочных насаждений, вдвое больше намеченного облесено речек.

— Добрый почин всех радует, но мы, лесоводы, довольны, как никто,— сказала при встрече на питомнике лесомелиоративной станции бригадир Валентина Петровна Пронина.— Огорчает, правда, что нет у нас еще техники, способной работать в складках балок, на крутых склонах оврагов. Только человек с лопатой может озеленить, укрепить такие места, а это требует много сил, которых, конечно, не хватает...

Больше всего сделано у инициаторов похода за сбережение малых рек. Василий Иванович Кондауров, председатель исполкома Самовецкого сельского Совета, с гордостью показывает нам стройные рядки березок, черемухи, поднявшиеся за три последние весны.

— Особенно комсомольцы стараются,— говорит он,— чуть где начнет сохнуть какое-то деревце, обязательно новое подсадят.

Сама Сомовочка, как ее здесь величают, выглядит пока неказисто. Маловато воды в ее русле. Это даже уже не речка, скорее неторопливо бегущий ручеек, через который, если как следует разбежаться, перепрыгнуть можно. У самого устья, где речушка-малютка впадает в Битюг, сидят двое мальчишек, удят рыбу.

— А ну-ка, ребята, похвалитесь уловом!

— Редко что попадается,— огорченно говорит старший, показывая трех пескариков величиной с ладошку.

— Исчезает нынче рыбешка,— вступает в разговор здешний лесник Анатолий Тимофеевич Бобкин.— Даже весной воды как в засушливый год. И дело не только в погоде. Окрестные хозяйства без ограничений берут воду для полива, чуть выше нас Талицкий рыбхоз постоянно качает воду в пруды. Мы свои животноводческие летние лагеря по эту сторону Битюга убрали на приличное расстояние от воды, а наши соседи за рекой — колхоз имени Свердлова — до сих пор, случается, перегружают отстойники и с облегчением вздыхают, если ливень или талые воды прорывают отстойник и уносят все в реку. Битюг-то течет по нескольким областям, а значит, и хозяин не один. А у семи нянек дитя всегда без глазу.

— Ну, не совсем уж без глазу.— Это возражает леснику Коврижко.— Есть и официальный хозяин: за малые реки отвечает Министерство мелиорации и водного хозяйства и его подразделения. Но на деле их судьбы зависят от того, какие хозяева на земле, по которой они протекают. Не все заботятся как следует о реке. Бывает, приедешь взглянуть, как приживаются лесопосадки по берегам речек или оврагам, а по саженцам скот разгуливает. До сих пор не выделены водоохранные зоны. Как экологическое понятие такие зоны, конечно, есть, но земля принадлежит хозяйству, и оно вольно обращаться с ней как хочет. Лезут в речку и с насосом любой мощности, и со стадом любой численности...

А что скажет на это председатель исполкома?

— Есть на сей счет законы,— объясняет В. И. Кондауров.— На местные Советы и водохозяйственные организации возложена обязанность — обеспечить соблюдение режима хозяйственной деятельности в водоохранных зонах. Законы есть, а порядка все же нет. Руководители хозяйства знают, что в прибрежной полосе распашку земель вести нельзя и скот пасти тоже. И склад минеральных удобрений ставить запрещается. И летние лагеря для коров строить надо подальше от речки. Но этими запретами нередко пренебрегают. Объясняется это в основном тем, что водопользование для сельского хозяйства практически бесплатное, речка ни на чьем «балансе» не состоит. Заботиться о ней обязывает лишь совесть, а этого пока недостаточно.

В последние годы во всем мире растет озабоченность: вода становится одной из главных ценностей на земле. Незначительных рек нет! И надо беречь каждый ключ, каждый родник, каждую речушку.

природа — наш дом

Река Битюг.

Пусть и этот житель леса будет его хозяином — навсегда!

У бобров новоселье.

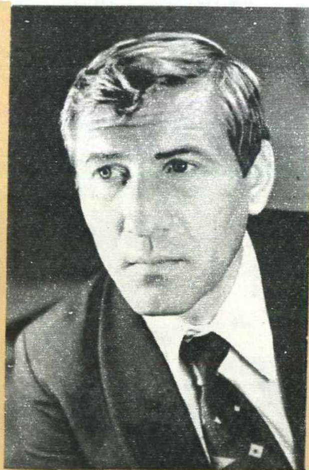

Сохранить леса, вырастить новые — одна из забот В. Ф. Коврижко. ▶

Счастливая семья.

Игорь ЛЯПИН

ПОЭМА

Дядя

1

Мне акация машет веткой —
Из мальчишества
шлет привет.
Я сюда приезжаю редко,
И, увы,
оправданий нет.
Здесь,
как прежде,
острей и резче
Жизнь разбита
на свет и мрак.
Есть такие на свете вещи,
Что словами о них —
никак...
Все здесь мерить мне
мерой высшей
С давней болью
наедине.
Все здесь связано
с дядей Мишей.
Никакой он не дядя мне...
И теперь объясни
попробуй,
Как спаялись две жизни встык.
Человек этот той,
особой,
Старой гвардии большевик.
Жизнь он мыслит
в масштабе крупном,
Но и мелочи ловит взгляд.
Дядю Мишу на Южнотрубном
Знает каждый —
и стар, и млад.
И сказать если просто,
вкратце,
Без прикраски,
а так, как есть,—
Хоть разуйся,
не хватит пальцев
Все заслуги его учесть
Перед этим стальным заводом,
В срок немыслимый
ставшим в строй,
Перед всем заводским народом,
И, выходит,—
перед страной.
И по опыту дорогому
Я сказал бы на этот счет:
— Люди тянутся
не к любому,
Сердцем чувствуя,
кто поймет,—
И не всякому то знакомо:
Коль в самом огонек иссяк,
Будь хоть трижды ты
предзавкома,
А к тебе не придут,
вот так —
Горе выплеснуть,
радость
или
За подмогою
в том ли, в сем.
А к нему между тем
ходили,
И никто не жалел потом.
Много дел за плечами слазных,
Много светлых
и мрачных дней.
Дядя Миша
из самых-самых
Дорогих для меня людей.
Дорог тем, что имел отвагу
К правде-матке стоять лицом,
Что одну трудовую лямку
На заводе
тянул с отцом.

2

Было время
сплошных баракоз
И ни корочки
про запас
Для вихрастых,
босых подранков
С дистрофическим
блеском глаз.
Трубы трубами,
план, он планом,
А в завкоме опять
опять
Человек гозорил о главном:
— Ребятишек
пора спасать.
И не в сводках,
не на бумаге,
А на месте сожженных хат
Пионерский построим лагерь,
Ясли детские,
детский сад.
Все менять будем.
Тут же,
в корне,—
Встал решителен,
даже крут.—
Пусть мы досыта не накормим,
Так хоть с голоду не помрут.
Но опять
посреди разрухи
Упиралась в проблему речь:
Кто же даст трудовые руки
С производства сейчас отвлечь!
Это все
председатель взвесил
И в горком ходил на бюро,
И в Москву дядя Миша ездил,
И давала Москва «добро».
Духом не были люди слабы,
Затянув потуже ремни,
Пели песни,
справляли свадьбы,
Зажигали в домах огни.
Пусть не часто,
но в жизнь вливался
С патефончика
старый вальс.
Не ответить,
откуда брался
В этих людях
энтузиазм.
Не ответить,
какая сила
Их держала,
звала,
вела,
И до подвигов
возносила,
И, конечно,
не берегла.

●

Все еще багровели дали,
И партийцы свой знали долг.
Не они
по гудку вставали,
А равнялся на них
гудок.
И кричал он над домом нашим,
Символ доблести
и труда,
В день, когда похоронным маршем
Обвалилась на нас беда.
Шли колоннами заводские,
Город шел
за волной волна.
И горели,
как золотые,
На подушечках ордена.
Помню полные скорби лица,
И запали в сердце слова,
Как, мол, выживут
без кормильца
Дети малые
и вдова.
Видя слезы
и вздохи слыша,
Я не все узелки связал.
Помню только,
что дядя Миша
Слов особенных не сказал.
По голозке меня погладил,
Обнял маму:
мол, ты держись.
Никакой ведь он нам не дядя...
До чего же сложна ты,
жизнь!

3

Только позже я,
позже понял,
Оглянувшись на быль свою:
Человек этот всюду помнил
Нашу горестную семью.
Потому-то и свет в окошке
Не погас
и не ввел в тоску.
То к зиме нам завод
картошки,
то дровишек,
то угольку...
Очень медленно,
будто в гору
Отступала от нас беда.
Как он,
где хлопотал —
в ту пору
Мы и знали-то не всегда.
Были наши дома напротив.
Он с работы —
и к нам зайдет:
— Как живете
да что жуете?
Что собес вам?
А что завод? —
Мама съежится,
как под ливнем,
Ну, а он на меня кивнет:
— Вот опору твою поднимем,
И как следует
все пойдет.
А «опора» росла нелегкой,
Крайне нужен был глаз да глаз:
То победно вернется с двойкой,
То гранату притащит в класс.
И с детдомовцами вязался,
И палил из дробовиков,
И за школой,
и в школе дрался,
Был лиловым от синяков.
Помню случай.
Во взгляде светлом
Я особого не прочел:
— Наш скворечник сзалило
ветром,—
Улыбнулся,—
ну ты б зашел...
Боже мой,
все во мне запело —
Вот и я
пригодился вам!
Это ж кровное просто дело
Влезть на дерево.
Р-раз —
и там!

●

Под акацией дядя Миша
Был серьезен,
но взгляд лучист:
— Видишь, что за оплошка вышла.
Ну, работай,
специалист.
Руки цепки,
и глаз мой меток.
Но попробуй
поторопись:
Он, скворечник,
застрял меж веток,
Чуть качни —
и сорвется вниз.
Лезу я,
и, глядите сами,
Вот она,
надо мной беда.
Этот домик
теперь с птенцами.
Если грохнется,
что тогда?
Чем себя оправдызать стану?
И уже от волненья взмок.
Как в глаза дяде Мише гляну?
Ведь подумает:
«Ну, помог...»
Было первое дело чести.
И решил я
в один момент:
Если грохнуться —
только вместе,
Так хотя бы позора нет.
Как по тополю,
как по клену
Я пошел.
А птенцы кричат.
И акация —
где ни трону,
Вот такие
шипы торчат.
Глянул вниз я,
как будто в бездну,
Ветка треснула подо мной.
Озираюсь,
но лезу,
лезу.
Вот сейчас
ухвачу рукой.
Очень было рискованно,
очень.
Простучало в сознанье:
«Брось!»
Но не бросил,
и, между прочим,
Все негаданно обошлось.
Гвоздь всадил я,
вогнал по шляпку,
Ошалевшим скворцам махнул
И, подчеркивая отвагу,
Вниз
пружинисто
сиганул.

●

Помню, вечер сиял непоздний,
Ликовали вокруг скворцы.
И пошел разговор
серьезный,
Чтоб с концами связать концы.
Начал издали он,
нестрого:
— Лихо, брат, ты беду унял.
Потому что учился много:
Лазал,
прыгал,
мячи гонял.
Лез — ведь каждая жилка
пела.
Есть сноровка —
так вся видна.
И для доброго,
видишь, дела
Пригодилась тебе она.
Похвалил меня за бесстрашье,
Заклеймил позором нытье,

Миша

Михаилу Федоровичу ДЕМИДОВУ

Встал у чести мужской на страже,
А выруливал
на свое.
Мягко тронул рукою проседь
И решительный сделал шаг:
— Вот, я слышал,
ты школу бросить
Собираешься.
Как же так?
Затвердил одно —
о работе.
А взгляни с другой стороны,
Да, завод.
А заводу вроде
Так уж неучи и нужны?
Там такие свои науки,
С каждой трубкой
пять раз на «вы».
Ты пойми,
золотые руки
Не бывают без головы.
Может, школу сперва окончишь?
А оттуда и к нам давай.
Ну, а если работать хочешь,
На вечернее поступай.
И, заметив, как весь я ожил,
Чуть сдержал от улыбки рот:
— Дядя Миша,
он, братец,
пожил,
Он на худо не натолкнет.
Руки,
это прекрасно —
руки.
Но пойми ты,
такая жизнь:
Хоть в хирурги,
хоть в металлурги
Подавайся —
везде учись.
А не станешь —
и все насмарку,
Все, как по полу, разотрешь.
И рабочую нашу марку,
Выйдет так,
что не ставишь в грош.—
Он задумался на мгновенье
И вполголоса произнес:
— Встал бы батька сейчас,
поверь мне,
Только так бы
решил вопрос.
Лет четырнадцать —
возраст детский.
Но запомнилось:
в тот момент
Этот довод
был самый веский,
Все решающий
аргумент.

4

И его
не туманят годы,
Вечно ясен он,
вечно нов.
И вести все свои отсчеты
До конца мне от этих слов.
Смысл их
яростно возрастает,
Но веду
не к тому я речь.
Встал бы батька сейчас...
Не встанет.
Тут бы маму как
поберечь.
Вот в объятьях отца со снимка
Смотрит —
глаз не найти светлей.
А осталась ведь,
как былинка,
Что ни ветер —
любой по ней.
Я порою дышать не в силах,
Свет не мил.
Этот белый свет.
Потому что в ее сединах
Меньше лет,
чем сыновних бед.
Время мчалось,
как поезд скорый,
И катилась судьба моя.
И какой-никакой опорой
Становился помалу я.
И, учебник держа под мышкой,
От события сам не свой,
Я в руках
с трудовою книжкой
Просто замер
на проходной.
И гудевший призывно,
зычно,
Вестник радостей и тревог,
С этих пор
обращался лично
И ко мне трудовой гудок.

●

Я глаза протирал спросонок
И бежал на завод рысцой,
Где грохочущий
стан «сто сорок»
Напрямик
говорил со мной.
Отмечая запас терпенья,
Он доказывал мне легко:
От зарплаты
до настроенья —
Все зависит здесь
от него.
И о премиях,
и о браке
Не шутя говорил —
всерьез.
Выбивал он из рук оправки
И меня доводил до слез.
Отозвавшийся в самом сердце,
Сам и мастер,
и педагог,
Так снимал с меня заусенцы,
Как никто
никогда б не смог.
Я не скоро скажу с ухмылкой,
Мокрый чуб отводя со лба,
Что труба
не болванка с дыркой,
Мол-де, тонкая вещь —
труба.
Я еще здесь так попотею,
Не одну спецовку прожгу
Прежде, чем доказать —
умею,
Или молча кивнуть —
могу.
Стан «сто сорок»,
мои истоки,
Грохотал,
не жалел огня,
Чтоб в судьбе у меня
в итоге
Все зависело
от меня.
В этом мире огня и стали
Дядя Миша мне руку тряс.
И глаза у него
сияли:
— Ну, здорово,
рабочий класс!

5

С той поры,
с той житейской были,
От негаданной той
беды
Все мы так далеко
уплыли,
Столько вниз утекло
воды.
И дороги меня кружили,
И привязывали к друзьям,
И обиды
до слез душили,
И душил я
обиды сам.
Постигая наш мир огромный,
Мудрость жизни
и суету,
Видел берег
вечнозеленый,
Шел на вечную
мерзлоту.
Были руки
в мозолях жестких,
Были штормы
и якоря,
И недели
без папироски,
А случалось —
без сухаря.
Ослепляла глаза столица,
Был богемной волны накат.
И не всем-то я мог гордиться,
Чем стремительно стал богат.
Но к лукавству
не притерпелся,
Душу завистью
не томил,
А за партами
насиделся
И на кафедры
выходил.
Отвечал сполна за промашки
Перед памятью дорогой.
И ни в чем не просил поблажки,
А бывало
невмочь порой.
И когда возвращался к маме,
Хоть на крыльях,
хоть битым псом,
Я с надеждою
ждал заране:
Дядя Миша
войдет в наш дом.
И входил он,
большой и грузный,
И казалось,
что дверь мала.
Чуть с лукавинкой взгляд,
чуть грустный:
— Ну, рассказывай, как дела? —
Невезеньем делясь
и счастьем,
Не взывал я:
— Как быть? Скажи! —
Просто было светло с участьем
Этой русской
большой души.
Это мне как причастье было,
Как залог, что пройду, смогу.
Перед силой
не сникну хило,
Перед совестью
не солгу.
И стоял,
и держался правды.
И стою.
И еще держусь.
Только,
как от большой утраты,
Вдруг такая
нахлынет грусть —
Никакого с ней сладу нету,
Просто ночь
среди бела дня...
Дядя Миша,
я еду, еду.
Дядя Миша,
дождись меня!

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Герои новой книги Ю. Жукова «Журналисты» — талантливые люди, стоявшие вместе с автором у истоков советского газетного дела, прошедшие вместе с народом и страной долгий и нелегкий путь социалистического строительства, живущие его трудностями и победами. «Колебаний в проведении генеральной линии партии не имел» — краткая и емкая фраза из автобиографии одного из героев книги, «опытнейшего газетчика» М. Черненко, думается, как нельзя лучше выражает суть дела, которому они служат преданно и безоглядно. Это их лица смотрят на нас с фотографий на форзаце: М. Гарин, Н. Маркевич, Д. Заславский, С. Диковский, А. Андреев, Б. Ефимов, Е. Кононенко...

За внешне простым рассказом о личных и творческих судьбах людей, с которыми Ю. Жуков работал и дружил, отчетливо проступает второй, внутренний план — яркое и цельное повествование о годах строительства социализма, о подвигах народа и Победе в Великой Отечественной войне, о борьбе за мир, за торжество идей социализма.

Ю. Жуков, вспоминая 30-е годы, красочно и точно передает характернейшую особенность того времени — необыкновенно могучую силу мечты, непременность ее воплощения, сказочно скорую осуществимость задуманного и запечатленного на газетных полосах. Убедительно передает автор ощущение, владевшее им и его товарищами в ту пору: всегда хорошее настроение и постоянная неудовлетворенность достигнутым, тяга сделать еще и еще, получше да побыстрее. Это вот ощущение и предчувствие прекрасного будущего, которыми живут автор и его современники, пронизывает всю книгу.

С годами все меньше становится людей, чьи рассказы о прожитом в годы становления Советской власти являются свидетельством «из первых рук». И книга Ю. Жукова о жизни и работе целого поколения советских журналистов становится документом особой ценности. Щедрые цитаты из статей, очерков и репортажей, которые автор органично включает в текст, придают книге еще большую достоверность, воскрешают неповторимую атмосферу тех лет.

Заканчивая этот небольшой рассказ о хорошей, интересной и нужной книге, следует сказать, что написана она одним из лучших советских журналистов, написана искренне, молодо и с большим темпераментом, «на одном дыхании».

Отсвет времени лежит на каждой странице этой своеобразной работы, — времени прошлого, уходящего и настоящего, продолжающегося, живущего, в котором ясно слышится гулкое биение будущего.

Н. ЛОБАЧЕВ

Юрий Жуков. Журналисты. Изд-во «Правда», М., 1984, 336 с.

Б. А. Александров.

ПЕСНЯ - БОЕЦ

Художественному руководителю дважды Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии имени А. В. Александрова, композитору, автору популярнейших песен, народному артисту СССР, Герою Социалистического Труда генерал-майору Б. А. АЛЕКСАНДРОВУ исполняется 80 лет. Мы обратились к Борису Александровичу с просьбой поделиться своими мыслями, воспоминаниями о наиболее ярких эпизодах творческой жизни возглавляемого им коллектива.

...Летним утром 22 июня 1941 года наш ансамбль собрался для репетиции в Центральном доме Красной Армии. Неожиданно по радио прозвучал голос Левитана: «Внимание, говорит Москва...»

Тут же состоялся митинг. Единодушно было принято предложение А. В. Александрова обратиться к народному комиссару обороны СССР с просьбой направить ансамбль на фронт. Через два дня был объявлен приказ о разделении ансамбля на четыре бригады: три из них выехали на разные фронты, а четвертой группе было поручено остаться пока в Москве для выступлений перед воинами формирующихся частей и по радио, а также для создания соответствующего репертуара. Но и эта бригада вскоре отправилась в действующую армию.

В первые дни Великой Отечественной войны одна мысль не давала покоя отцу: надо срочно написать патриотическую песню, мобилизующую армию и народ на беспощадную борьбу с гитлеровскими захватчиками. И такая песня была создана. Когда отец прочел опубликованные в газете стихи В. И. Лебедева-Кумача, он в течение дня и вечера сочинил музыку удивительной песни, названной «Священная война». Ночью же им были созваны артисты ансамбля, написаны на доске ноты, и к утру песня была разучена. Утром 26 июня группа ансамбля отправилась на Белорусский вокзал, откуда уходили эшелоны на фронт. В людской суете, тревожности расставаний вдруг, подобно набату, подобно клятве, зазвучали слова: «Вставай, страна огромная...» Многотысячная толпа завороженно слушала песню. Потом вспыхнули бурные аплодисменты и возгласы: «Повторите!..». Песня сразу стала популярнейшей в стране, с нею бойцы уезжали на фронт.

...Много тысяч километров прошли по дорогам войны фронтовые группы нашего ансамбля. Где только ни приходилось выступать — вблизи передовой, в лесу, на поляне, в землянках, на палубе военного корабля, в военном вагоне. Давали в день по нескольку концертов...

...Сентябрь 1941 года. Первые месяцы войны. Ансамбль выступает вблизи Ярцева, где шло ожесточенное сражение с фашистами. Один из полков находился в таком опасном, обстреливаемом месте, что командующий не решался послать туда певцов. Но артисты ползком пробрались до расположения части. Концерт состоялся. Советские воины восторженно приветствовали выступление Краснознаменного ансамбля.

Вспоминаю, как в 1943 году возглавляемая мною бригада выехала на Брянский фронт. В этой поездке принял участие и поэт О. Колычев. Узнавая о подвигах наших воинов, мы с ним писали на фронте новые песни специально для полка, бригады, дивизии, где нам приходилось бывать.

Весной 1944 года Краснознаменный ансамбль выступал на фронтах уже в полном составе. Волнующими были наши встречи с жителями освобожденного от блокады Ленинграда, моряками Балтийского флота, Кронштадта, на фортах Красная Горка и Серая Лошадь, в частях береговой обороны. А всего за годы войны ансамбль дал 1200 концертов.

«Пребывание на фронте, выступления ансамбля,— вспоминал А. В. Александров,— вдохновляли советских воинов на подвиги, подтверждали, что коллектив сумел найти свое место в этой величайшей в истории человечества войне, в строю советских солдат, в строю советского искусства».

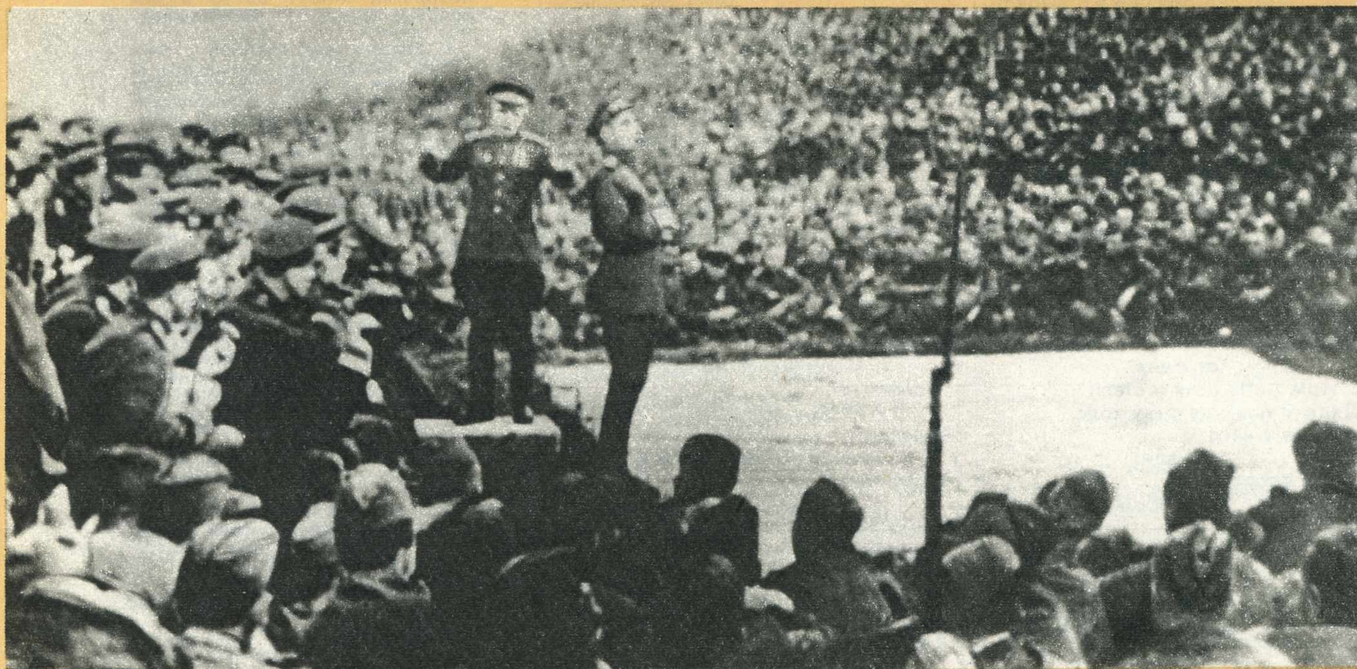
В послевоенные годы дважды Краснознаменный ансамбль песни и пляски имени А. В. Александрова совершил триумфальные гастроли по странам Европы и Америки. «Мы прослушали блестящий по своей простоте концерт советского ансамбля,— писала одна из английских газет...— Эти солдаты воодушевляли русские войска на различных фронтах войны. И ничего нет удивительного в том, что Красная Армия вышвырнула Гитлера за пределы своей страны».

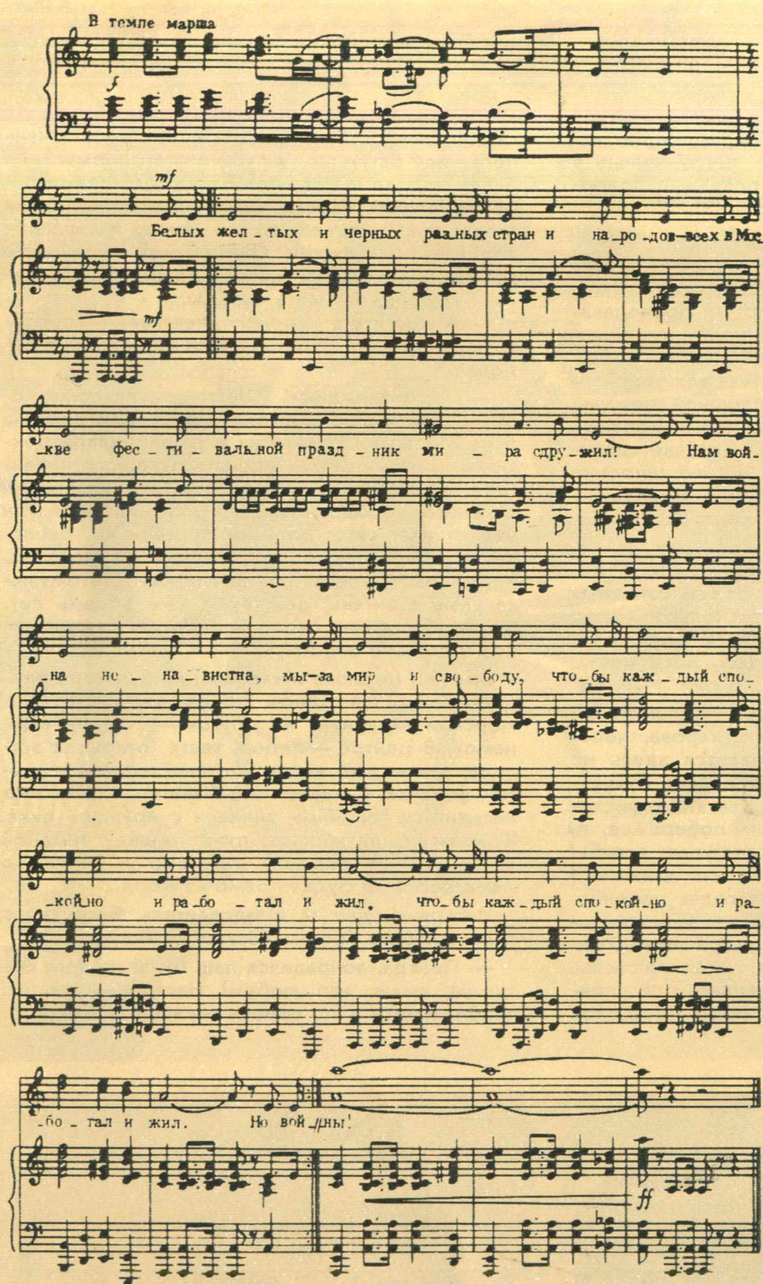
...Расскажу о недавней, третьей по счету поездке ансамбля в Испанию. Программа концерта была обновлена более чем наполовину. Во всех наших концертах звучал цикл героико-патриотических произведений, посвященных 40-летию Великой Победы.

Многие испанцы высказывали мнение, что концерты ансамбля помогали им понять Советскую страну и ее людей, разоблачали лживость буржуазной пропаганды, ее измышления о Советском Союзе. К этим гастролям я написал песню «Мир тебе, земля Испании», о благородных идеалах мира и дружбы народов. Исполненная ансамблем на испанском языке, она была встречена слушателями с одобрением. После наших выступлений сотни испанцев ожидали выхода артистов, горячо их приветствовали и благодарили за вдохновенное искусство.

Об одном из наших концертов

Выступление ансамбля на фронте. 1943 г.

КТО ЗА МИР — БУДЬТЕ С НАМИ!

Стихи Сергея БЕНКЕ

Музыка Бориса АЛЕКСАНДРОВА

Белых, желтых и черных
Разных стран и народов —
Всех в Москве фестивальной
Праздник мира сдружил.
Нам война ненавистна,
Мы — за мир и свободу,
Чтобы каждый спокойно
И работал, и жил.
Но войною кровавой
Недруг снова пугает.
Нас с тобою, товарищ,
Не согнуть, не сломать.

Это юность на верность
В грозный час присягает:
На земле мир и дружбу
Мы должны отстоять!
Белый, желтый и черный —
Все за счастье планеты.
Не страшны нам угрозы,
Мы единством сильны.
Мы теплом нашей дружбы,
Словно солнцем, согреты.
Кто за мир — будьте с нами!
Не допустим войны!

в Мадриде испанские коммунисты сняли цветной фильм и сделали большой фотоальбом, который подарили нам на память.

К 40-летию Великой Победы ансамбль подготовил две программы. В первой из них исполняется моя оратория «Солдат Октября защищает мир» и вокально-хореографическая композиция о поколении победителей, преемственности подвига, о нынешних воинах. Во второй программе звучат новые песни советских композиторов, посвященные Великой Отечественной войне, созданные в наши дни, и ряд произведений, написанных в военные годы.

Творчество нашего коллектива в пору войны и послевоенное время свидетельствует о том, что Краснознаменный ансамбль находится на верном пути, его искусство крепнет, служа благородному делу борьбы за мир и взаимопонимание народов планеты.

БУЛЬВАР

Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Зайти в Министерство здравоохранения Аджарии побудило меня зрелище батумского бульвара в ранние часы. Обдуваемые морским ветерком, по аллеям двигались люди разных возрастов и общественного положения. Все они каждое утро превращаются здесь в обыкновенных бегунов и «шагунов». А так как Батуми—городок небольшой, то все почти знакомы друг с другом или, во всяком случае, спаяны единым желанием не поддаваться лени, недомоганиям, стрессам и, разумеется, старости. Так вот, что по этому поводу думает министр Рамаз Дурсунович Сурманидзе?

— Для городского человека бульвар — остродефицитное лекарство. У нас этого лекарства хоть отбавляй, можем поделиться. И многие приезжают в Батуми именно за ним...

Сурманидзе отнесло несколько в прошлое, но все-таки на тему, и слушать министра было интересно. Это именно Рамаз Дурсунович установил, что Чехов написал свой маленький роман «Зеленая коса», имея в виду батумский Зеленый мыс. Иллюстрирующий роман рисунок, который Сурманидзе нашел в журнале «Москва» за 1882 год, точно изображал балкон и лестницу на сохранившейся до наших дней даче Баратовой. Тогда Антон Павлович еще не бывал в Батуми, он учился в университете, а под своими литературными произведениями подписывался «Антоша Чехонте». Но откуда такое знание обстановки на Зеленом мысе? Не иначе друзья рассказали. Сурманидзе нашел, кто из грузин мог учиться с Чеховым,— это сокурсник будущего великого писателя С. И. Хечинашвили (имя его оставило след в медицинском мире Грузии), это и студенты того же времени, позже известные батумские врачи Г. Л. Элиава, Г. И. Вольский. Рамаз Дурсунович добился, чтоб на бывшей даче Баратовой, где сейчас лаборатория Ботанического сада, появилась мемориальная доска, связанная с чеховским произведением. («А как же! Тут каждая крупица дорога!») Со временем Чехов дважды приезжал в Батуми, был знаком с Шишковыми. Кто такие? Сурманидзе раскопал две телеграммы от них, установил, что Александр Семенович Шишков был начальником батумского военного госпиталя, организатором врачебного общества в городе.

Рассказал Рамаз Дурсунович и о знаменитой колоннаде на бульваре, появление которой связано с другим великим русским писателем — Максимом Горьким. В 1930 году в Сорренто приехала группа медиков из Грузии, в том числе и главврач батумской тропической станции И. З. Мчедлидзе. Алексей Максимович, который бывал в Батуми и любил бродить по бульвару, предложил соорудить на нем нечто архитектурное, и вот по совету Горького доктор Мчедлидзе привез на родину чертежи колоннады. А еще через четыре года белые колонны поднялись у самого синего моря.

А Есенин! Сколько связано в Батуми с Есениным!.. Я иду по прилегающим к бульвару тихим старым улочкам. Милые, каждая со своим лицом. И особняки, особняки — со следами бы-

лой красоты. Многие с мемориальными досками на стенах, как с командировочными удостоверениями: такой-то прибыл — убыл... Чем меньше городок, тем сильнее в нем желание увековечить имена тех, кто здесь когда-то бывал, кто для города что-то сделал или кому город что-то дал. Сергею Есенину Батуми дал его «болдинскую осень»: «Анну Снегину» и удивительный цикл «Персидские мотивы».

На улице Энгельса, во дворе дома № 11 сохранился флигель, принадлежавший батумскому журналисту Льву Повицкому. Здесь и прожил поэт два с половиной месяца. Повицкий вытащил больного, простуженного Есенина из гостиницы «Ной» и водворил его у себя, отдав поэту комнату.

Была надежда войти в эту комнату! Увидеть, как ему здесь жилось, писалось, может быть, черновики (копии хотя бы!), номера газет «Трудовой Батум», «Заря Востока», в которых он печатался, фотографии людей, с кем общался в Батуми... Да мало ли что еще! Вместо этого — ворота, закрывшие проход к флигелю, а на воротах табличка: «Во дворе злая собака»...

«Как же так?» — мысленно обращаюсь к министру-энтузиасту и машинально трясу железную преграду. Из соседнего дома выглядывает приветливое девичье лицо, наверняка не впервые наблюдающее такую картину.

— Не огорчайтесь,— говорит девушка,— домик и отсюда хорошо виден...

Да, флигель можно разглядеть сквозь черные прутья, стерегущие чью-то собственность. Стараюсь представить себе, как выходит золотоволосый поэт («Эти волосы взял я у ржи...»), идет на улицу, сворачивает направо. Три квартала параллельно бульвару — и вот здесь, на пересечении Смекаловской и Соборной (ныне Руставели и Комсомольской),— дом. В нем жила учительница, в которую поэт был влюблен. Как это было? Наверно, она уже вернулась из школы, в ста шагах — бульвар, они идут на бульвар, он читает: «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» Есенин подарил ей свою книгу с надписью: «Дорогая моя Шаганэ, вы приятны и милы мне. 4 янв. 25 г.». Он дарил ей фиалки, охапки роз (цветы круглый год!). Он читал ей только что записанные строки:

Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям...

В магнолиевых аллеях батумского бульвара шуршали под ногами морские камешки. Это писалось, когда поэту не оставалось жить и года...

Поэты уходят, поэзия остается. И остается то, что ее высекает: пряный настой южных цветов, шафранные (оранжевые) закаты, аллеи, по которым и сегодня ходят люди, погруженные в чудесный мир, так щедро дарованный природой городу.

Дарованный? Нет-нет, отнюдь!..

Вот какое авторитетное свидетельство нашла я в батумском архиве, в редкостном юбилейном издании, составленном в то время преподавателем батумской гимназии, а позже академиком Н. С. Державиным: «На бульваре собственной почвы вовсе не имеется: вся территория бульвара представляет сплошной мощный слой крупного гравета, отложенного морским прибоем из выносов р. Чорох. Посадки сделаны здесь в ямы и более или менее широкие канавы глубиной 2—2½ аршина, в которых гравет заменен искусственной почвой из глины, песку и навозу...»

В августе 1878 года русская армия освободила Аджарию и городок Батум от трехсотлетнего турецкого ига, а через несколько лет, в 1884—1885 годах, начались работы по устройству бульвара. И с тех пор (сто лет!) идут... нарастая... с каждым годом.

— А знаете почему? — сказала ландшафтный архитектор города Ольга Каламкарова, человек, без которого не высаживается здесь ни одно дерево, ни один куст.— В районе бульвара море не наступает на сушу, как это происходит почти на всем грузинском побережье, а, наоборот, отходит от берега, отступает вглубь. Такой феномен природы. И мы движемся вслед за морем. В тридцатых годах колоннада стояла у самого пляжа. Сейчас за ней в сторону моря мы проложили еще три аллеи, каждая шириной по шесть метров, высадили сосны. Кроме того, вдоль пляжа появилась прогулочная дорога. И все это на обкатанных морем голышах! Засыпали их землей, рыли ямы, высаживали деревья. Всё, как сто лет назад, только с помощью техники...

Вот вам и дарованное природой! Природа даровала море, камни, жгучее солнце. А бульвар — создание рук человеческих. Надо знать, когда что зацветает, почему сосну приморскую хорошо чередовать с индийской сиренью, где посадить лавр, а где криптомерию элегантную, зеленую летом и буро-нежную зимой, здесь хорош грузинский дуб тенистый, а там высоченные пальмы хамеропсы, которые лучше смотрятся рощицей, чем на аллее. Ольга Каламкарова, можно сказать, выросла на этом бульваре. Бегала сюда с подружками после школы, потом окончила в Москве институт и с годами стала специалистом с большим вкусом.

Бульвар у всех, кто здесь работает, вызывает стойкую привязанность. Оплата труда невысока, дело требует долготерпения, многих лет жизни. Можно сказать, почти всю жизнь посвятили батумскому бульвару агрономы Тина Баланчивадзе и Надежда Чхаидзе, садовые рабочие Григорий Швец, Совета Мазурок, Гоарик Мелконян. Я увидела их, загнанных в сарайчик тропическим дождем. Они и здесь нашли себе работу: перебирают листья драцены. Для чего? Будут подвязывать пальмы...

— А еще кто в вашем коллективе? — спросила у директора бульвара Али Латифовича Бадоева.

— Подметальщики! Шесть двухкилометровых аллей и еще много дорожек. Все должны быть чистыми... Птичницы в уголке живой природы. Шесть пунктов проката пляжного инвентаря. Спасатели и медсестры. Техники карусельного городка. Кстати, это они помогли нам отказаться от дотации, перейти на хозрасчет и теперь давать прибыль городу. Наконец, инженеры и операторы фонтанов. Цветомузыкальные фонтаны действуют уже восемь лет. В трех бассейнах около четырехсот светильников и столько же струй...

Зрелищ (а также и «хлеба») на бульваре предостаточно. На одном конце дельфинарий и морской аквариум, на другом — стадион «Динамо». В центре — летний театр, открытая эстрада, теннисные корты. Уютные кафе на открытом воздухе. Стилизованный шатер, где можно насытиться горячими хинкали с кружкой пива. К услугам пляжников пункт междугородной связи: можно заказать разговор и бежать в переговорную будку прямо из моря...

Интервью дал и председатель Батумского горисполкома Ростом Хасанович Долидзе:

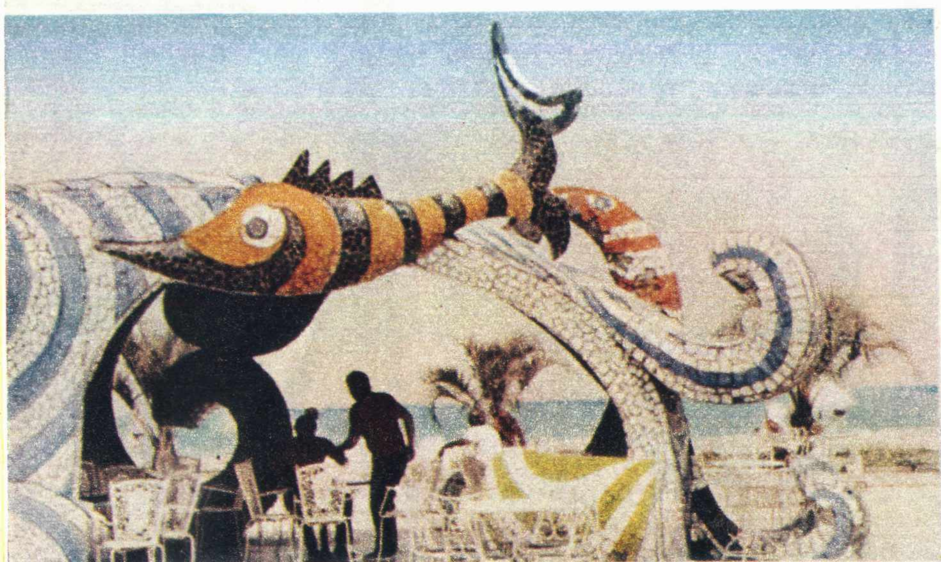
— Правда, понравился наш бульвар? Мы, батумцы, очень его любим! Население растет, приближается к ста сорока тысячам. У нас порт, сорок заводов, много строим... И бульвар будем расширять, точнее удлинять! Почти на три километра — в направлении, куда пошел город. И еще в сторону порта. Таким образом, бульвар будет шестикилометровым! Задумали построить на его территории Шахматный дворец и Зеленый театр.

Свет вечерний, край шафранный... Мир отдыха. Я вижу, как проясняются лица батумцев, когда они идут вечером на свой бульвар. Отступают заботы, проблемы. Зона шумных развлечений, острых ощущений на «чертовом колесе», бодрящих ритмов: каждому свое. Дорожки вдоль пляжа. Дальше, дальше — на гальку, к самой волне. Впереди море. Море — это чудо, оно успокаивает.

Человеку надо успокаиваться, приводить свои мысли в порядок. Способы? Да их же не перечесть: спорт, прогулка, игры, эстрада, интерес к добрым знакомым, просто молчаливое созерцание... Все это дает городской бульвар.

Эх, прокачу! * В этом «Морском спруте» подают кофе, соки * Бег под девизом «Долой таблетки» * Батумский пляж.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Вот это концерт * «Чертово колесо» * Зрители.

премьера

ОБЕЗДОЛЕННЫЕ

Жили-были два брата — Захарья и Моррис. Родила их темнокожая мать. Захарья такой же, как она, а у другого кожа светлая, его и за белого вполне можно принять. Давно уже матери нет в живых, но помнят братья, что ноги у нее сильно болели, что руки всегда были в мыльной пене. И что колыбельные она им пела: то озорную, а то грустную, ласковую. Еще игры свои детские помнят. После смерти матери братьев разметало по свету, но кровные узы свели их вместе в жалкой лачуге поселка для черных неподалеку от Порт-Элизабет. Захарья нашел себе работу: он сторож и уборщик в парке для белых. Моррис же — на иждивении у брата, хлопочет по дому да время от времени заглядывает в заветную жестянку: они надеются скопить денег и купить «ферму для двоих». Это тоже их, теперь уже взрослая, игра — желание уйти от реальной действительности, тягостной и безысходной, чтобы уж совсем не потерять желания жить. Когда «выдыхается» эта игра, Моррис придумывает новую — знакомство с девушкой по переписке (он где-то, в отличие от брата, научился грамоте). Но оказывается, что девушка-то белая! А светлокожий Моррис тоже может выдать себя за белого...

Моррис и Захарья — персонажи пьесы современного южноафриканского драматурга Атола Фугарда «Кровные узы» (перевод с английского В. Рамзеса), совсем недавно увиденной зрителями на сцене Московского театра миниатюр в постановке В. Константинова (художественный руководитель постановки — недавно ушедший из жизни народный артист РСФСР А. Дунаев).

А. Фугард своим творчеством восстает против бесчеловечной системы апартеида, при которой, как он сам однажды заметил, люди утрачивают лица, «превращаясь буквально только в цвет своей кожи».

В «Кровных узах», одной из ранних его пьес (1961 год), нет персонажа, воплощающего собою угнетателя с кнутом в руке. Есть только те, кто на себе испытывает расовую дискриминацию, бесправие, унижение человеческого достоинства, те, кому души растаптывают ежедневно.

Зритель с болью в сердце следит за Моррисом (артист Ю. Амиго), который, включившись с братом в игру, «меняя кожу», на глазах меняет и психологию. Запоминается кульминационная сцена, когда Моррис, увлекшись игрой в «белого», уж очень «по-настоящему» кричит Захарье: «Черномазый!». И тот, вобрав голову в плечи, кожей, что называется, воспринял этот знакомый окрик... И все же именно он, простодушный мечтательный Захарья (артист С. Чунгак), вероятнее всего, будет опорой нравственно надломившемуся, вконец отчаявшемуся Моррису.

Пьеса, где всего два действующих лица, построенная на диалогах, обнажающих внутренний мир героев, эмоционально насыщенная, непроста для воплощения на сцене, тем не менее театр бережно донес до зрителя и глубину авторского замысла, и общечеловеческое его звучание.

Постановщики ввели в спектакль еще одно действующее лицо — рефери на том моральном ринге, где «работают» братья. Эту безмолвную роль исполняет актриса Т. Шабельникова. Персонаж не кажется чем-то привнесенным извне, поскольку органически вписывается в действие, заостряет наше внимание на тех или иных моментах сюжета. Но он совсем не безмолвен, этот персонаж,— артистке удалось исполнение прекрасных народных негритянских блюзов. Актриса признается, что слова «Я улыбаюсь, чтобы скрыть свои слезы» ей все время хочется пропеть не по-английски, а по-русски, чтобы точно донести смысл. Музыкальное оформление спектакля осуществил И. Легин.

«Кровные узы» — первое воплощение на советской сцене произведения южноафриканского драматурга, пьесы которого широко известны далеко за пределами его многострадальной родины.

Л. НАТОЧАННАЯ

На снимке: сцена из спектакля. Моррис — Ю. Амиго, Захарья — С. Чунгак, рефери — Т. Шабельникова.

Фото Д. Дебабова

рампа

Ее героини

Тамара Шакирова начала сниматься в четырнадцать лет. В фильме «Под палящим солнцем» она сыграла жизнерадостную девочку, мечтающую о кино или сцене. И хотя эпизод с ее участием не вошел в картину, юная дебютантка даже не успела испытать огорчения: ее уже пригласили для исполнения центральной роли в сказочном фильме «Семург». И здесь проявились ее артистическая одаренность и увлеченность. Стало ясно: рождается кинематографический талант. А это — всегда счастливое событие.

Режиссер Али Хамраев пригласил Тамару на одну из центральных ролей в своем фильме «Без страха». Юная актриса должна была сыграть свою ровесницу Гюльсару. Но какая пропасть разделяла исполнительницу и ее героиню! Непостижимо глубокой была разница во взглядах, привычках и мировосприятии ташкентской школьницы семидесятых годов и бесправной, забитой Гюльсары...

Действие картины разворачивается в конце двадцатых годов в одном из заброшенных узбекских кишлаков, где только начиналась борьба за новую жизнь. Ломая яростное сопротивление прошлого, преодолевая вековые предрассудки, к Гюльсаре приходит осознание своего человеческого «я», своего достоинства. Молодая актриса уверенно передавала этот процесс духовного становления. Потому-то так и впечатлял финал фильма, в котором девушка, потрясенная смертью отца — он погиб от руки озверевших кулаков,— сбрасывала с себя паранджу...

Гюльсара — предшественница героини фильма «Непокорная» — Джумагуль, которая стала для нынешних своих сверстниц образом нравственной бескомпромиссности в утверждении права на счастье. Джумагуль Шакировой — фигура, бесспорно, исключительная, действительно непокорная. Она неудержимо идет к новой жизни. Актриса рисует чрезвычайно сильный характер, чьи нравственные устои совпадают с ее собственными. Перед нами женщина, готовая не на рабское, как это было веками, а на сознательное самопожертвование.

Артистка много и охотно работает. Растет, тянется цепочка ролей на родном «Узбекфильме», на киностудии «Таджикфильм», других студиях страны. Накапливаются роли разноплановые, несхожие. И каждая отмечена штрихами многогранного таланта исполнительницы. Она играет сказочную принцессу в фильме «Седьмой джинн», создает образ Заррин-Гис в исторической ленте «Абу Рейхан Бируни». Запоминаются в своей реалистической выразительности образы Рано из кинокартины «Побег из тьмы», Гульшод из «Кратких встреч на долгой войне» и многие другие.

Один из существеннейших элементов творческого кредо актрисы — тяготение к созданию характеров неординарных, заряженных колоссальной внутренней энергией, скрывающейся за мягкой женственностью и внешней беззащитностью.

В фильме Д. Салимова «Ленинградцы, дети мои» Шакирова сыграла сложную роль Хадичи — молодой женщины, директора детского дома в годы войны. Двадцатилетняя героиня актрисы работает на эвакопункте. Она в полной мере смогла ощутить великое горе, которое принесла людям война. Многое еще придется пережить и выстрадать этой хрупкой женщине, но все это окупится таким прекрасным словом «мама», которое произнесут потом бывшие ее воспитанники,— ведь она сумела вернуть им детство...

Большой удачей актрисы стала многолетняя работа над образом Юлдуз-хон в многосерийном фильме Ш. Аббасова «Огненные дороги», по сценарию К. Яшена и Б. Привалова, посвященном жизни и творчеству писателя Хамзы. Здесь Тамара Шакирова обнаружила вкус к психологически острому рисунку роли, стремление показать через судьбу своей героини судьбу женщины Востока, раскрыть в человеческой индивидуальности социальные мотивы поведения.

Творческий путь Тамары Шакировой говорит о том, что стремительный взлет актрисы закономерен. Талант, работоспособность и горячая влюбленность в искусство кино прочно соединились в цельной, гармоничной личности.

Борис АНДРЕЕВ

Киноактриса Тамара Шакирова. Фото И. Гневашева

МОСКВА, 41-Й

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

40

В первых числах августа ослабленные части 16-й и 20-й армий по приказу Главнокомандующего Западным направлением начали отходить от Смоленска, прикрывшись сильными арьергардными группами. На главном направлении, где немцы пытались смять отходящие войска, неусыпно действовали разведчики 152-й стрелковой дивизии во главе со старшим лейтенантом Лопуховым Евгением Семеновичем, а вражеским танкам преграждал путь артиллерийский противотанковый дивизион под командованием политрука Машункина Василия Михайловича. На флангах держали оборону смешанные подразделения, замыкая коридор отхода.

В ночное и дневное время по старой Смоленской дороге непрерывным потоком двигались в направлении Днепра колонны пехоты, артиллерии, грузовиков, санитарных машин и повозок. Дорога упиралась в Днепр у деревни Соловьево, раскинувшей свои семьдесят пять дворов на возвышенном правом берегу, недалеко от того места, где в Днепр влизались речки Устром, Ласьмена, Вопь. И теперь еще одна живая река текла к древнему Днепру, разливаясь по всей ниспадающей к руслу прибрежной пойме и по близлежащим лесам.

Через Днепр саперы под командованием армейского инженера полковника Ясинского навели переправу — поставили и заякорили посреди реки два металлических понтона, а справа и слева состыковали надувные лодки, поверх которых закрепили деревянные лаги. Между берегами протянули стальные тросы, а рядом, тоже на тросах,— два штурмовых мостика для пехоты. Однако напор людей, машин, повозок был куда более мощным, чем могла пропустить по своей зыбкой тверди переправа. А пушкам вообще не было сюда ходу: грузоподъемность понтонов не соответствовала их весу. Поэтому ниже по течению Днепра, у деревни Радчина, инженерными подразделениями 20-й армии наводилась более мощная, вместо разбомбленной, переправа, в то время как в лесных и тальниковых глубинах восточного берега со вчерашнего дня стрекотали пулеметы и автоматы, гулко ухали танковые пушки, иногда доносилось многоголосое «ура!». Там поредевшие подразделения 5-го механизированного корпуса 20-й армии дрались с немцами, прорвавшимися через Днепр наперерез отступающим советским войскам. Хорошо, что танкистам и пехоте 5-го корпуса удалось вовремя выйти на левый берег, используя паромную переправу и брод у Радчины. Теперь они продолжали успешно теснить врага за речку Орлею.

Соловьевская и Радчинская переправы лета 1941 года... Это были страшные скопища людей и техники. Страшные тем, что являли в своей совокупности гигантские мишени, по которым непрерывно вели огонь артиллерия и минометы врага, а с неба пикировали десятками бомбардировщики, прорываясь сквозь огонь зенитчиков. Изредка появлялись советские истребители, и тогда на земле начиналось ликование...

Не столь большая ширь Днепра ниже переправ была густо покрыта странного вида кочками. Это, закрепив на головах сложенное обмундирование, а за спиной — карабины, перебирались на левый берег умевшие плавать.

А у въездов на понтонные мосты творилось невообразимое. Каждый стремился оказаться быстрее на противоположном берегу, у темнеющего впереди леса, подальше от обстрела и бомбежек. Поэтому командованию пришлось поставить плотное оцепление из взводов комендантских рот. На Радчинской переправе наводил жесткий порядок бригадный комиссар Сорокин Константин Леонтьевич, на Соловьевской — полковник Лизюков Александр Ильич. Первыми пропускали машины и повозки с ранеными. Бойцов — только с оружием; безоружных возвращали назад — искать оружие.

Саперные подразделения совершали воистину беспримерный подвиг. Бомбы и снаряды, взметывая в небо фонтаны воды, часто попадали в цель, губя людей, технику и разрушая наплавные мосты. Ниже по течению, здесь же, в Соловьеве, начали строить еще две переправы — свайные. Тракторами волокли на тросах из недалекого леса спиленные деревья, танками рушили по просьбе жителей их деревянные дома, сараи, тащили бревна к переправам, крепили, вязали, схватывали крепежными железными скобами, тяжелыми кувалдами вбивали в дно Днепра сваи, клали поперечины, а на них — продольные лаги. Берег кипел от многолюдья, деловой суеты, далеко окрест слышался гул тысяч голосов, вопли раненых и тонущих, команды, матерщина. Все это часто заглушалось пальбой зенитных пушек и пулеметов, залповым огнем по немецким самолетам, а также недалекой стрельбой за буграми, где сводный отряд полковника Лизюкова сдерживал рвавшихся к переправе немцев.

Да, это были самые тяжкие часы и дни августа 1941 года для тех, кто оказался в этой мясорубке. И все-таки судьба будто сжалилась над терпевшими смертные бедствия советскими войсками: каждые сутки с шести-семи часов вечера и часов до десяти утра над Днепром, его поймой, над всей бугристой местностью вокруг начинал клубиться густой белый туман, делая менее уязвимыми переправы и оберегая саперов от ударов с воздуха.

И текла, текла несколькими ручьями живая река от Днепра на восток, в сторону деревень Часовни, Дубки...

4 августа перебрались через Днепр штабы 16-й и 20-й армий. Генералу Лукину не повезло. В сутолоке на Соловьевской переправе, когда он наводил там порядок, на него наехала машина и повредила ногу.

Остатки дивизии полковника Гулыги тоже прорвались на восток южнее Смоленска и влились в колонны отступающих частей 16-й армии. Гулыга и с ним начальник штаба подполковник Дуйсенбиев, начальник артиллерии майор Быханов ехали верхом на лошадях, отбитых у немцев. Вся техника остатков дивизии — автотранспорт, артиллерия, тягачи — была приведена в негодность и оставлена в лесах севернее Муравщины. Полковник Гулыга, не зная обстановки, повел свои растрепанные подразделения строго на восток, переправился через Днепр и влез в «мешок» вражеского окружения. А сейчас надо было вновь форсировать Днепр.

На старой Смоленской дороге, у развилки дорог на Радчину и Соловьево, стоял командирский регулировочный пост, разделявший поток отходивших войск на два русла. Гулыга с группой своих штабистов был направлен на Радчину. А младший политрук Миша Иванюта проворонил развилку и поехал на Соловьево, стоя на подножке медленно двигавшегося в колонне санитарного автобуса, битком набитого ранеными. У Иванюты до этого тоже была трофейная лошадь. Но вчера при налете «юнкерсов» ее тяжело покалечило, и Миша, содрогаясь от жалости, пристрелил кобылицу. А теперь передвигался пешком или на попутном, случайном транспорте.

В кабине санитарного автобуса сидела молоденькая сероглазая санитарка Варя, обворожившая Мишу с первого взгляда. Ее воркующий голосок, светлые, струившиеся из-под пилотки кудряшки, круглое, улыбчивое личико с ямочками на щеках — все это так пришлось Иванюте по душе, что сердце его затрепетало. И он стал откровенно хвастаться перед девчонкой своим трофейным автоматом, запасными обоймами к нему, воткнутыми за голенища сапог, трофейным биноклем. Наводил девушку на мысль о своем геройстве, необыкновенной храбрости. Варя даже начала подшучивать над его откровенным бахвальством, понимая, что этот загорелый, тощий паренек с двумя кубиками в петлицах очень хочет понравиться ей... И произошло невероятное: Миша увидел на коленях у санитарки недельной давности газету «Красная звезда»... Тут все и «замесилось»... В газете публиковался Указ Президиума Верховного Совета о награждении фронтовиков, отличившихся в боях. Автобус как раз остановился в заторе, а Миша, безразлично скользнув взглядом по списку, задержал внимание на фамилии Жилова, полкового комиссара... Награждался орденом Красного Знамени... Миша изумленно ахнул и тут же помрачнел от печали: Жилов остался где-то в тылу врага с другой группой частей. Не погиб ли?..

Вдруг вспомнил, как Жилов говорил перед строем, что и его, младшего политрука Иванюту, представляют к награде. Не питая особой надежды, Миша пробежался глазами по списку вниз и чуть не лишился рассудка, когда в колонке, где перечислялись награжденные орденом Красной Звезды, черным по белому было напечатано: «Политрук Иванюта Михаил Иванович...» Но почему политрук? Ведь он младший политрук!..

Варя посмотрела на Мишу уже с бóльшим интересом. А он, продолжая изучать список, вдруг прочитал: «Капитан Колодяжный!»... Теперь ему все стало ясно: их не только наградили, но и повысили в воинских званиях... И захлебнулся в радости, в гордости и даже самодовольстве.

А Варя милостиво подарила Мише газету с Указом и химическим карандашом дорисовала на малиновых петлицах линялой Мишиной гимнастерки по одному квадратику; это должно было подсказывать несведущему миру, что он, Михаил Иванюта, уже не младший, а просто — политрук!

Варя так и сказала:

— Политрук ты мой орденоносный, не умри от радости.— И это было для Миши как признание девушки в любви к нему.

Когда санитарный автобус, двигаясь в колонне, поднялся на взгорок, откуда был виден Днепр, в душе у Миши будто погас свет и радость его померкла. Показалось, что перед ним открылась панорама гигантского торжища, где в базарный день сбились многие тысячи людей, сотни машин, тягачей, орудий, пово-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—31.

зок. А за Днепром тянулись через луг к лесу плотные цепочки пеших и конных, грузовиков, орудий, санитарных машин, повозок; переправы словно процеживали сквозь себя войско. Однако вытекавшие на восточный берег живые ручьи, кажется, никак не обмеляли людского моря, тысячеголосо плескавшегося в пойме правого берега. То в одном, то в другом месте берега, прибрежного тальника или в водах Днепра взметывали дымные столбы взрывавшиеся снаряды и мины, прибавляя работы санитарам и похоронным командам.

Ближе к переправе Миша Иванюта стал убеждаться, что порядка тут больше, чем казалось со стороны. Строгие командиры и политработники, бойцы и сержанты комендантских взводов четко направляли на мосты людей, транспорт, технику. Не успел он сообразить записать хоть какой-нибудь адрес Вари, ее фамилию, как его стянули с подножки, оттиснули в сторону, а автобус с ранеными загромыхал колесами по дощатому настилу наплавного моста. Иванюта хотел было возмутиться, что с ним, орденоносцем, так бесцеремонно обошлись, но, оглядевшись вокруг, понял, что тут ничего никому не докажешь.

Мише, конечно, было проще простого самостоятельно переплыть Днепр. Но зачем? Остаться на том берегу в одиночестве, без своих, с которыми пробивался из окружения? И куда потом податься?.. Нет, такой глупости политрук Иванюта не допустит и дождется, когда на переправе появятся полковник Гулыга, подполковник Дуйсенбиев, другие штабисты и политотдельцы их дивизии.

К переправам приближалась очередная девятка «юнкерсов», и из левобережных перелесков по ним открыла стрельбу батарея зенитных орудий.

Ощущая мерзкий холодок страха в груди и на спине, Миша Иванюта стал проталкиваться к огородам деревни, спускавшимся к пойме. Здесь ударила в нос теплая, нестерпимая вонь — от убитых лошадей и коров. Миша поднялся еще выше на взгорок, приложил к глазам бинокль и стал осматривать запруженную машинами, повозками, людьми дорогу и ее обочины: верховых на ней не заметил, а о том, что в нескольких километрах есть другая переправа, Иванюта не знал.

Перевел бинокль на «юнкерсов» и увидел, как наперерез им устремилась из глубины неба шестерка наших «ястребков». Немецкие бомбардировщики, бросив бомбы на болотистый луг за Днепром, стали удирать на запад, стреляя по «ястребкам» из всего своего бортового оружия.

Иванюта снова нацелил бинокль на дорогу. Увидел повозку с ранеными. Среди них сидел на краю грядки, опустив ноги к земле, очень знакомый Мише человек... Ба, да это же майор Рукатов!.. Забинтованное плечо, перевязанная голова... Нет, встречаться с Рукатовым Мише не хотелось, хотя интересно было узнать, удалось ли ему вывезти из тыла врага те мешки денег, которые нашел Миша.

Бойцы вокруг неожиданно стали кричать «ура!». Через мгновение сонмище людей в долине могуче подхватило этот клич ликования, и казалось, что сейчас рухнет на землю небо, настолько он был мощным и яростным. Миша даже испугался, ничего не понимая. Потом увидел, как падали сбитые «ястребками» два «юнкерса», оставляя за собой бурые хвосты дыма, и сам тоже начал вопить «ура!» и подбрасывать вверх пилотку.

На время Мишу отвлекло от поисков однополчан еще одно событие. Между домами и надворными постройками Соловьева, цепочкой тянувшимися на возвышенном берегу Днепра, были проулки, проходы и огородные грядки. Все они вдруг стали заполняться коровами. Это откуда-то угоняли в тыл скот. Коровы, а их было много десятков, учуяв близкую воду, засеменили вниз, а Миша, вспомнив, как в детстве он купал коров, тоже побежал к Днепру и, возвысив голос, призывно объявил:

— Братцы, кто не умеет плавать — цепляйтесь за коров!.. Живые паромы... Надежные!

Видно, коровам было уже в привычку переплывать через реки. Попив из Днепра воды, они, отдуваясь, неторопливо шли на глубину и направлялись к противоположному берегу. Боявшихся воды и не умевших плавать среди скопившихся близ переправ бойцов оказалось

не так уж мало. И вскоре каждая корова была облеплена людьми, как мухами. Держались за хребтины, перебросив через них оружие, за хвосты, за рога. У многих коров на рогах висели винтовки, автоматы, вещмешки. Бессловесная скотина медленно, но верно плыла через реку, чутко прислушиваясь к выстрелам бичей в руках сопровождавших стадо немолодых скотников.

Ширь Днепра сплошь покрылась плывущими в обнимку с коровами бойцами. И с той же силой, как гремело сейчас при виде падающих «юнкерсов» «ура!», если не с большей, раскатисто взревела по всей пойме гомерическим хохотом многотысячная рать. В этом безудержном, размашистом хохоте было, казалось бы, что-то противоестественное, ибо рядом умирали тяжелораненые, продолжали взрываться немецкие снаряды и мины, губя людей и превращая в железные ошмотья технику. Но таков был характер российского воинства.

Вслед плывущим неслись ироничные, беззлобно-насмешливые выкрики:

— Эй, коровий род войск! Держите точно на восток!

— Защекочешь буренку, солдат! Осторожнее!

— Эгей, который за хвост держится! Не включи корове задний ход!..

Вдруг среди плывущего стада рванул снаряд, всплеснув вверх огонь и воду. И как обрубил смех на берегу. Окрасился кровью Днепр... Многие коровы вместе с бойцами пошли ко дну...

И тогда в реку кинулись десятки добровольных спасателей, даже не успев раздеться.

— Ваша идея?— Миша Иванюта, потрясенно смотревший с берега на то место, где взорвался снаряд, повернулся на обращенный к нему голос и увидел рядом с собой... старшего лейтенанта Ивана Колодяжного.

— Ты ли это?!— обалдело спросил Миша.

— А это ты, холера?!— Колодяжный коротко хохотнул.— Коровий стратег от журналистики! Живой!

— Живой, да вот отбился от своих,— с чувством виноватости сказал Иванюта.

— Здесь все свои,— с приглушенной грустью успокоил его Колодяжный.— Дуй за Днепр и держи путь на Городок. Там сборный пункт. Пойдем к переправе.

— А ты что здесь делаешь?

— Собираю таких, как ты, недоумков, что от своих отбились. Одних в трибунал отдаю, а других милую.

— Как со мной поступишь?

— Дай закурить, тогда отпущу на свободу.

— Закурить не дам — не курю. А вот коечего другое сейчас будет.— Иванюта расстегнул свою планшетку, распахнул ее и показал Колодяжному газету «Красная звезда». Под прозрачным целлулоидом был виден в ней Указ о награждениях.— Вот читай, товарищ капитан!.. Да-да, не старший лейтенант, а капитан! И с орденом Красной Звезды вас!!! Не младший, а политрук Иванюта поздравляет!

Вот так и было на этом обильно политом кровью крохотном клочке планеты: здесь колотились боль, страх, муки. И вспышки веселья, радости, когда был к тому повод. И многих людей привела сюда старая Смоленская дорога, чтоб открыть перед ними новые дороги войны, коей предстояло еще не один год буйствовать на советской земле.

41

Федор Ксенофонтович Чумаков сидел на парковой скамейке под старой липой, с тыльной стороны госпитального здания, курил, переговаривался с другими выздоравливающими ранеными, отдыхавшими тут же, в плетеных креслах, любовался лугом и лесом, видневшимися за Москвой-рекой. День клонился к исходу, дышал свежестью и запахами цветочных клумб.

Неожиданно от угла здания послышался звонкий девчоночий голос:

— Генерала Чумакова просят зайти в палату!

Федор Ксенофонтович оглянулся на голос, увидел молоденькую санитарку в белом халате и белой косынке. Поднялся, взглянул на наручные часы: было ровно семнадцать. Зачем понадобился в столь неурочную пору?

В палате застал своего лечащего врача — полнотелого военврача третьего ранга — и замполита госпиталя — полкового комиссара, уже немолодого мужчину с грустными проницательными глазами. Оба они были чем-то обескуражены.

— Федор Ксенофонтович,— обратился к Чумакову полковой комиссар.— Нам приказано, исходя из вашего самочувствия, разрешить вам поездку в Москву. Как вы?.. Сможете?

— Я готов,— без колебаний ответил Чумаков и тут же увидел на спинке кресла новенькое генеральское обмундирование, а рядом на полу хромовые сапоги. В темных петлицах гимнастерки заметил по три золотистые звездочки и смутился:

— Это мне?

— Так точно, товарищ генерал, вам,— ответил замполит.

— Значит, ошиблись в звании: я ведь генерал-майор, а тут знаки различия генерал-лейтенанта.

— Привезли из Москвы форму,— пояснил врач.

— Ошиблись.— И Федор Ксенофонтович, взяв гимнастерку, стал отвинчивать с петлиц по одной нижней звездочке.— А кто привез?

— Полковник. Он дожидается вас в машине.

Верно, Федор Ксенофонтович видел при входе в здание черную «эмку». Рядом с ней стоял, раскуривая папиросу, моложавый полковник в форме НКВД.

«Что бы это значило?» — размышлял Чумаков, надевая на себя новенькое генеральское одеяние. Его оставили в палате одного.

Когда натянул сапоги, то почувствовал, будто у него прибавилось сил и бодрости. Действительно, раны его зажили, хотя на следах от осколков образовавшаяся кожица была еще розовой и болезненной, если прикасаться к ней.

Минут через десять черная «эмка» уже мчалась в сторону Москвы. Федор Ксенофонтович не стал расспрашивать полковника, сидевшего рядом с шофером, куда и зачем они едут. Хмурый, усталый вид чекиста не располагал к этому, да и понимал, что если он сам ничего не поясняет, значит, так надо.

Федор Ксенофонтович не ощущал никакой тревоги, только волнение от предстоящего свидания с Москвой: какая она, военная, которую начиная с 22 июля немецкие самолеты пытаются бомбить каждую ночь?

В одном был убежден генерал Чумаков: вызов в Москву связан с его письмом, в котором он изложил свои мысли по поводу способов ведения боя разными родами войск — как личный опыт, вынесенный из первых сражений с немцами. Правда, было чуть стыдновато, что употребил небольшую хитрость — «военную находчивость», как определили ее они вместе с Микофиным. Чтобы письмо не затерялось где-нибудь в дебрях наркоматовских канцелярий, Чумаков адресовал его профессору Романову, будто не зная, что тот умер за день до начала войны. А Микофин взял на себя труд передать это письмо маршалу Шапошникову, благо отозвали его с Западного направления и назначили начальником Генерального штаба вместо Жукова.

Как же был удивлен Федор Ксенофонтович, когда, приехав в центр Москвы, их машина устремилась не на улицу Фрунзе, к Наркомату обороны, а к Кремлю. И тут дрогнуло сердце у бывалого солдата. Изменив своей выдержке, он спросил у молчаливого полковника:

— Куда мы следуем?

— Приказано сопровождать вас в приемную товарища Сталина.— Полковник повернулся к Чумакову, дружелюбно заулыбался и сказал:—Ну и характерец у вас, товарищ генерал! Я всю дорогу ждал этого вопроса...

Когда Чумаков, испытывая естественное волнение, вошел в кабинет Сталина, он увидел сидящих за длинным столом Молотова, маршала Шапошникова и Мехлиса. Сталин стоял у своего стола и читал какой-то документ. При виде Мехлиса Федор Ксенофонтович вдруг почувствовал, как загорелась у него зажившая рана ниже левого уха, встревожился, что сейчас, как уже бывало раньше, заклинится у него челюсть и он не сможет произнести ни слова. А Мехлис, видимо, вспомнил тот случай, которому он был свидетелем западнее Минска, в штабе армии Ташутина, когда с Чумаковым произошел такой казус, вдруг расхохотался и подбадривающе спросил:

— Опять будете палец между зубов совать?

Чумаков посмотрел на армейского комиссара первого ранга с благодарностью за моральную поддержку и, успокоившись, принял стойку «смирно». Прищелкнув каблуками новеньких, необмятых сапог, обратился к Сталину:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий, генерал-майор Чумаков прибыл по вашему вызову!

Сталин положил на стол бумагу, вплотную подошел к Федору Ксенофонтовичу и подал ему руку. После короткого пожатия спросил:

— Вас что, разжаловали в генерал-майоры, товарищ Чумаков?

— Не понимаю вопроса, товарищ Сталин,— с некоторой растерянностью ответил Федор Ксенофонтович.

— Да?— удивился Сталин.— Мы вас тоже не понимаем. Правительство присвоило вам звание генерал-лейтенанта... Хрулев послал вам новенькую форму со знаками различия, а вы взяли да сняли с петлиц по одной звезде.

— Прошу прощения, товарищ Сталин... И благодарю за оказанное доверие. Но я подумал: произошла ошибка. Приказа ведь мне никто не объявил.

К Чумакову подошли Молотов, Шапошников, Мехлис, поздравляли с очередным воинским званием и выздоровлением после ранений. А Сталин, уже стоя в другом конце кабинета, заговорил об ином:

— Мы тут разбирались со смоленскими мостами... И пришли к выводу, что полковник Малышев и вы, товарищ Чумаков, как старший по званию поступили правильно. Мосты взорвали вовремя. Хотя нам не все еще ясно, как удалось немцам так стремительно ворваться в Смоленск. Мы назначили комиссию во главе с генерал-майором артиллерии Камерой, которая исследует этот вопрос.

— Можно мне сказать свою точку зрения?— спросил Чумаков.

— Не надо,— кивнул ему зажатой в руке трубкой Сталин.— Вы скажете, что не хватало сил для удержания Смоленска.

— Так точно,— подтвердил Чумаков.

Сталин опять перевел разговор на другое:

— А что вас лично связывало с профессором военной истории Романовым Нилом Игнатьевичем?

— Я женат на его племяннице.

Тут включился в разговор маршал Шапошников.

— Позвольте заметить, товарищ Сталин,— сказал он,— Чумаков — лучший воспитанник генерала Романова по военной академии.

Сталин на это замечание маршала ничего не ответил. После паузы спросил у Федора Ксенофонтовича:

— Вы отдаете себе отчет, товарищ Чумаков, что ваши соображения, изложенные в письме, которое мы внимательно изучили, требуют значительной ломки некоторых положений Боевого и Полевого уставов Красной Армии?

— Могу обосновать все свои суждения, особенно по поводу боевых действий стрелковых и танковых войск.

— Ваша уверенность похвальна.— Сталин привычно зашагал по кабинету.— Мы тоже считаем неправильным, когда наши войска, организуя наступательный бой, строят свои боевые порядки, густо эшелонируя их в глубину. В результате этого мы имеем большие, неоправданные потери от огня артиллерии, минометов и авиации врага, прежде всего в подразделениях вторых и третьих эшелонов. И такое построение боевых порядков приводит во время наступления к бездействию свыше трети всех пехотных огневых средств дивизии... Верны также ваши соображения о месте командира в боевом порядке во время наступательного боя... При нынешнем положении подразделения могут оказаться без командиров.

Далее Сталин говорил и о том, чего не содержалось в письме Чумакова,— о необходимости введения залпового огня из винтовок, об усилении огневыми средствами стрелковых рот и батальонов...

Вслушиваясь в его приглушенный голос с грузинским акцентом, Федор Ксенофонтович ловил себя на побочной мысли: как бы заго-

ворить о проблемах и точках зрения, изложенных в письме к Сталину покойным профессором Романовым? Удобно ли?.. А вдруг спросит: «Откуда вам известно содержание письма?..» Нет, нельзя вторгаться в чужое... И уже, пожалуй, не ко времени. Или решиться?..

Эту навязчивую мысль разрушил Сталин:

— Товарищ Чумаков, мне понравились четкость и ясность ваших формулировок в письме. Мы приняли решение создать группу из генералов и командиров, которые бы в действующей армии еще и еще раз проверили истинность возникших проблем... Ведь, хотим мы того или нет, придется вносить поправки в ряд положений наших уставов. Мы поручаем вам возглавить эту группу... Разумеется, после того, как вы окончательно поправитесь после ранений...

— Я уже поправился, товарищ Сталин.

— Это мы спросим у ваших врачей... Так вот, у товарища Шапошникова есть проект документа, с которым я прошу вас сейчас же ознакомиться. Можете редактировать его, дополнять, а главное — уточните количество и фамилии людей, включаемых в эту группу, если даже их надо будет отзывать с фронтов. Я полагаю, достаточно будет семь — десять человек из разных родов войск. Но прошу вас — это на будущее — не забывать о таких философских категориях, как возможность и действительность. Необходимо учитывать, что на войне существует множество возможностей, определяющих различные пути и варианты борьбы с противником. Военное искусство командиров всех степеней состоит в том, чтоб определять те возможности, которые наиболее реально могут быть превращены в действительность, то есть в победу в бою, в операции, в войне в целом.

— Понял, товарищ Сталин. Я помню об этих категориях.

— Минуточку... Необходимо также учитывать, что во всякой действительности есть возможность благоприятного и неблагоприятного развития событий... Исходите и из этих положений, товарищ Чумаков, когда будете писать окончательные ваши выводы...

Маршал Шапошников тут же протянул Федору Ксенофонтовичу две странички машинописного текста — проект решения Государственного Комитета Обороны — и сказал:

— Можете поработать в комнате товарища Поскребышева. И у него же оставьте документы.

Генерал Чумаков понял, что разговор с ним окончен. Взяв документ, он поклоном головы попрощался со всеми и, четко повернувшись кругом, шагнул к двери.

В кабинете Поскребышева Федор Ксенофонтович почувствовал какую-то оторопь, нереальность происходящего. Видел сидевших на стульях людей, но ни на ком не мог сосредоточить взгляда. Не в силах был убедить себя, что это именно он встречался сейчас со Сталиным, отвечал на его вопросы, выслушивал его указания. Будто побывал в ином мире, а теперь оглядывал себя со стороны: каков ты, генерал Чумаков, после встречи с Верховным Главнокомандующим? И вдруг пришло волнение, которое, казалось бы, должно было охватить его раньше, перед входом в кабинет Сталина.

Направился в угол комнаты, где стоял свободный стол, сел в кресло и начал вчитываться в документ. Поймал себя на ощущении, что не может сосредоточиться. Глаза скользили по строчкам машинописного текста, как по пустому месту.

Мучительно захотелось курить. И только теперь он пытливо, с удивлением оглядел кабинет, увидел каких-то людей, ждавших, видимо, когда позовут их к Сталину. Никто не курил.

Наконец почувствовал, что он может размышлять. И вновь начал читать документ. С радостью обратил внимание: многие места в нем взяты из его, Чумакова, письма. Его наблюдения, выводы, предложения...

Не притронулся ни к одной фразе проекта решения. Список членов комиссии тоже удовлетворил Федора Ксенофонтовича: в нем были генштабисты и преподаватели военных академий.

Положил на стол Поскребышева бумагу, когда тот разговаривал с кем-то по телефону. И вдруг родилось желание позвонить на 2-ю Извозную улицу, в квартиру покойных Романовых. А вдруг Ольга и Ирина уже вернулись с окопных работ?.. Из Архангельского он звонил им каждый день, но телефон безмолвствовал. А вдруг?..

И он попросил у Поскребышева разрешения воспользоваться его телефоном: Александр Николаевич любезно сдвинул на край стола телефонный аппарат.

Федор Ксенофонтович набрал номер, не питая особой надежды. И чуть не задохнулся от счастья: телефон откликнулся. Он узнал самый милый на свете и самый родной голос Ольги. Вначале не мог произнести ни слова, затем виновато, взглянув на Поскребышева, сказал:

— Ну, здравствуй, дорогая женушка... Сейчас приеду.

Минут через пятнадцать черная «эмка» привезла Федора Ксенофонтовича на 2-ю Извозную улицу к знакомому дому. Полковник-чекист на прощание вручил генералу Чумакову блокнотный листок с номером телефона, по которому можно будет вызвать машину.

Федор Ксенофонтович чувствовал себя как во сне. То ему казалось, что машина не мчалась, а ползла по улицам Москвы, а сейчас, когда поднимался по лестнице, каждый пролет мнился чрезмерно многоступенчатым.

Дверь в квартиру уже была распахнутой. В ярко освещенной прихожей стояли в обнимку Ольга Васильевна и Ирина и обливались счастливыми слезами. На мгновение он замер перед дверью, вглядываясь в черные от загара, похудевшие, но безмерно прекрасные лица жены и дочери. Шагнул через порог с раскрытыми объятиями и смущенной от переизбытка счастья улыбкой. Они тут же повисли на нем, покрывая его лицо поцелуями, увлажняя слезами.

Он вдруг застонал от боли в ранах, причиненной ему объятиями жены и дочери. Видимо, он побледнел, потому что Ольга Васильевна и Ирина вдруг отпрянули от него, встревоженно всматриваясь ему в лицо.

— Задушите меня, разбойницы!— успокоил он их испуг шуткой.

Вдруг увидел, что в глубине кабинета стоял стройный, коренастый лейтенант в летной форме, юное лицо которого показалось ему очень знакомым.

— Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант!— Летчик молодецки щелкнул каблуками хромовых сапог.

И тут новый порыв радости: Ольга Васильевна и Ирина только сейчас разглядели, что в генеральских петлицах Федора Ксенофонтовича прибавилось по одной звездочке. Снова стали целовать его и обнимать, но уже бережно, осторожно.

— Лейтенант Рублев?— изумился Федор Ксенофонтович, вспомнив внезапно, откуда ему так знакомо это лицо.

— Так точно!— радостно откликнулся лейтенант.— Под вашим командованием вместе пробивались из окружения.

— Ты понимаешь, Федя, этот молодой человек знаком с нашей Ирочкой еще по Ленинграду!

— Я ему помогла найти в озере его самолет!— затараторила Ирина.— Я видела, куда он упал! А потом мы случайно встретились и еле узнали друг друга.

— Не совсем понятно,— засмеялся Федор Ксенофонтович,— но весьма интересно... А почему вы там, в окружении, не сознались, что знакомы с моей дочерью?— Генерал дружески пожимал руку Рублеву, пытливо всматриваясь в его смущенное лицо.

— Она же мне не сказала, что отец у нее генерал... Думал — однофамильцы.

— Хватит расспросов!— вмешалась в их объяснения Ольга Васильевна.— Федя, марш в ванную мыть руки — и к столу!

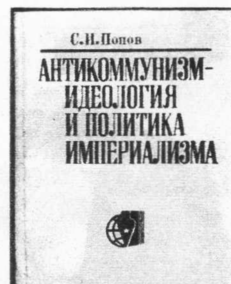
Только сейчас Федор Ксенофонтович заметил сервированный, уставленный закусками стол, посреди которого высились бутылка шампанского и графин с водкой, настоянной на лимонных корочках.

— А ему не верят, что он немецкий самолет таранил! — восторженно пыталась продолжить рассказ Ирина, однако мать перебила ее:

— Все дальнейшие разговоры — за столом!

Окончание следует.

АНАТОМИЯ СОВРЕМЕННОГО АНТИКОММУНИЗМА

Общеизвестно, что антикоммунизм является ровесником теории и практики научного коммунизма. Его история насчитывает почти полтора столетия, в течение которого неуклонно происходило «обогащение» его содержания и форм в ответ на успехи марксизма-ленинизма, мирового коммунистического и рабочего движения, реального социализма.

Ценность новой книги известного советского исследователя буржуазной идеологии С. И. Попова «Антикоммунизм — идеология и политика империализма» состоит в том, что в ней анализируются новейшие особенности антикоммунизма периода конца 70-х — первой половины 80-х годов нашего века.

Как правильно подчеркнул автор, чтобы успешно бороться с антикоммунизмом, необходимо его хорошо знать. В соответствии с этим современный антикоммунизм показан как сложная политико-идеологическая система, претендующая на создание собственной социальной философии, теоретической модели мира, противопоставляемой научному коммунизму, раскрыт как особый социальный институт, представляющий собой разветвленную сеть политических и идейно-теоретических организаций, мощный пропагандистский аппарат, применяющий средства психологической войны, оснащенный по последнему слову техники и щедро субсидируемый империалистическими государствами и монополиями.

С. И. Попов обстоятельно показывает, что социальной философией современного антикоммунизма является неоконсерватизм, выступающий в качестве относительно нового идейного течения в буржуазной идеологии как раз с конца 70-х — начала 80-х годов. Неоконсерватизм, говорится в отдельной главе, открыто ставит под сомнение возможность мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем, характеризует разрядку как «умиротворение агрессора» и «идеологическое самоубийство Запада» и в целом с полным правом может быть назван философией классового реванша.

Центральное место в книге занимает разоблачение новейших концепций марксологии (специальной отрасли буржуазного обществоведения, занимающейся фальсификацией марксизма-ленинизма), а также антисоветизма, составляющего, по словам автора, квинтэссенцию антикоммунизма.

Много внимания уделено разоблачению мифа об СССР как угрозе всеобщему миру и сугубо агрессивной державе. В книге критически разбираются так называемые идеологические и исторические «аргументы» — доказательства агрессивности Советского Союза. В частности, развенчиваются домыслы об «агрессивном» характере марксизма-ленинизма, раскрывается заданно клеветнический характер «сочинений» Р. Пайпса, К. Грея, Л. Рюля и многих других врагов Советской власти о милитаризме СССР, вытекающем будто бы из исторических традиций, идеологической и политической его структуры.

Показывая теоретическую и практическую несостоятельность антикоммунизма, его домыслов о теории и практике научного коммунизма, автор вместе с тем воссоздает картину идейного бесплодия, духовной нищеты, социально-политического безумия современного империализма как системы, неспособной дать трудящимся подлинную свободу, демократию и мир. В специальных главах показано, что, громогласно выступая защитником прав человека, империализм отрицает наиболее важные социальные права и прежде всего право на труд. Лихорадочно вооружаясь, форсируя подготовку к войне, он угрожает самому фундаментальному человеческому праву — праву на жизнь. Прикрываясь демагогическим лозунгом борьбы против международного терроризма, империализм сам совершает против суверенных государств одну агрессию за другой.

Книга С. И. Попова — серьезный научный вклад в марксистско-ленинский анализ проблем идеологической борьбы в целом, современного антикоммунизма в частности. Она действительно будет полезна всем, кто изучает эти проблемы, занимается агитационно-пропагандистской деятельностью, интересуется вопросами международного развития.

В. НИКИТИН,
доктор философских наук, профессор

С. И. Попов. Антикоммунизм — идеология и политика империализма. М., Политиздат, 1985, 335 с.

среди книг

внимание — внедрение!

ПРОДУКТ ОДИН — ПРЕДМЕТОВ СОТНИ

А. М. Табер.

— Все признают: работа наша важная и интересная, но механизм внедрения забуксовал.

Эти слова я услышал во Всесоюзном НИИ органического синтеза. На моих глазах происходило чудо: в колбу с розовым раствором был пущен бесцветный газ. И тут же белые хлопья стали заполнять колбу.

В обычных условиях лаборатории шла полимеризация газа, которого не было ни в природе, ни среди продуктов промышленного органического синтеза. Ни одно вещество не полимеризуется в воде при нормальных условиях! Вот почему этот опыт и зовут «лабораторным парадоксом», а сам газ — аллен — представляет из себя поразительную «живую молекулу», которая охотно цепляется к любым соединениям, меняя их свойства порой до неузнаваемости. Этот газ настолько активен, что использование его может сделать в химической промышленности буквально революцию. Существует он одно мгновение. В это мгновение его и «вынимают» из реактора...

Аллен рождается при переработке нефти, самого ценного полезного ископаемого — «королевы» энергетики. Со школьной скамьи всем известна фраза Менделеева о том, что сжигать нефть в топках все равно, что топить печь ассигнациями. А выбрасывать на ветер? Ведь факелы горят не только на промыслах, но и на нефтеперерабатывающих заводах...

— Почему мы выбрали аллен?— рассказывает руководитель лаборатории, доктор химических наук Анатолий Табер.— Как химик, я знал, что пока нет процессов, приводящих к стопроцентному использованию нефти. Но ведь отходы не менее, а порой и более ценны. Например, тот же аллен, с помощью которого была сделана первая попытка в создании «искусственного» каучука. Судьба этого газа типична для многих отходов, но аллен — побочный продукт наиболее многотоннажного процесса, его объемы уже сопоставимы с объемами ряда целевых продуктов нефтехимии. Но его уникальные свойства были не исследованы, и он нигде и никогда не использовался.

Аллен защищен десятками авторских свидетельств.

...Газ этот имел дурную славу. Химики говорили: «Стоит на него посмотреть, как он взрывается». Разве при такой славе кто-то рискнет его исследовать? Но Табер — опытный химик и упорный человек. Работа его увлекла. Примеру «шефа» последовали сотрудники. Все понимали важность работы и перспективность ее для народного хозяйства.

Хотя риск был сведен к минимуму, но он был, как были цепи бесконечных экспериментов, затяжных командировок на заводы и наладок опытных установок.

Сейчас результаты исследований зафиксированы почти в 50 авторских свидетельствах и нескольких новых технологических процессах, которые дали стране ряд важных продуктов для народного хозяйства.

Аллен обладает поразительной активностью, и с его помощью более просто и дешево можно получать всевозможные растворители. Он заменяет ацетилен. «Парадоксальный» характер аллена сказался в том, что небольшие его добавки к «сварочным» газам сделали их взрывобезопасными. В производстве лаков и красок удалось полностью заменить натуральные продукты.

Удалось решить и крупную сельскохозяйственную проблему. Известно, что промышленное животноводство и птицеводство требуют большого количества витамина Е. Раньше витамин получали из натуральных продуктов, но аллен помог

страницы минувшего

Иван Иванович Рерберг (1869—1932 гг.).

БИОГРАФИЯ КИЕВСКОГО ВОКЗАЛА

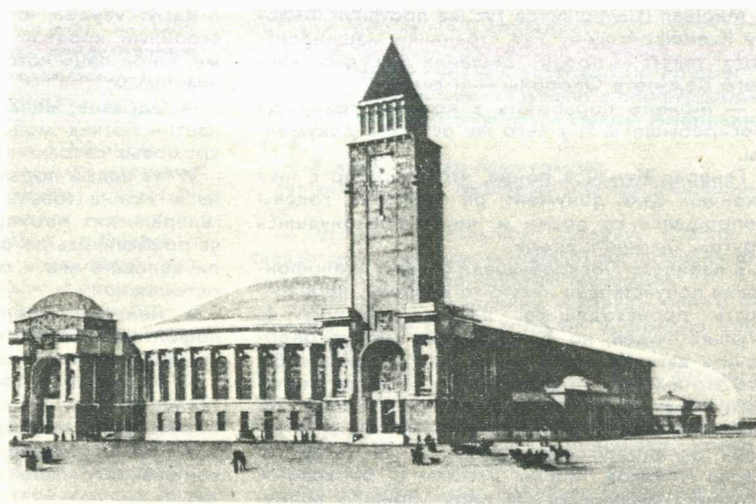
Замедляя скорость, поезд из Калуги подъезжал к Москве. Я, тогда шестилетний мальчишка, не отрывался от окна. Своды Брянского вокзала буквально зачаровали меня. А когда увидел его башню и фасады, восторгу просто не было границ. Двумя годами позже, в 1934 году, этот вокзал стал называться Киевским. «Действительно ли здесь работал железнодорожным служащим мой дедушка?» — спрашивал я отца.

Кто же построил такое удивительное сооружение? Тогда ни отец, ни я не могли знать, что этот замечательный мастер тяжело болен и дни его жизни сочтены.

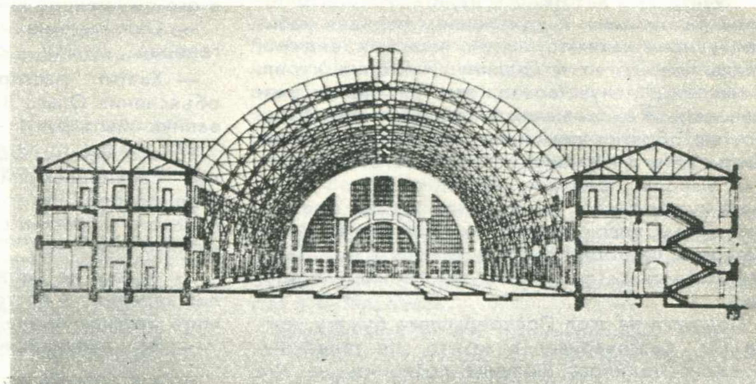
...Летним днем 1914 года, всего за месяц до начала первой мировой войны, на замощенной булыжником площади вблизи нового Бородинского моста скопилось много народа. Подъезжали извозчики, поодаль останавливались крестьянские телеги и возы. Перед зданием старого Брянского вокзала состоялась торжественная закладка нового, грандиозного по тем временам вокзального здания. Его автор — талантливый московский зодчий Иван Иванович Рерберг. Он построил в Москве немало зданий, в том числе — Центрального телеграфа, здание Президиума Верховного Совета СССР в Кремле.

Еще при Петре I, предпринимавшем большие работы по созданию отечественного флота, в Прибалтике поселился приглашенный в Россию датский кораблестроитель Рерберг. Дед Ивана Ивановича Рерберга — Федор Иванович — был заместителем председателя комиссии по постройке Исаакиевского собора, получил звание генерала. А отец — Иван Федорович,— будучи инженером путей сообщения, работал на Московско-Нижегородской железной дороге, издал солидные печатные труды по железнодорожному транспорту и водоснабжению Москвы, проектировал старый Бородинский мост в Москве.

Киевский вокзал относится к числу лучших творений И. И. Рерберга. Вокзал поражал тогда всех своими размерами. Высокие, необычайно просторные залы до 900 квадратных метров, платформа, перекрытая колоссальным застекленным сводом. Подобных сооружений в России еще не было. Вокзал

Так выглядел Киевский вокзал в 20-е годы.

Покрытие над платформами по первоначальной схеме, фото 1912 года.

осуществить более дешевую технологию и повысить ее эффективность.

Но особенно большие перспективы открылись у аллена в «облагораживании» полимеров. Самые незначительные добавки его к полиэтилену повышали прочность, позволяли легковоспламеняющийся материал сделать негорючим. «Секрет» был прост: аллен как бы «сшивал» поперек длинные цепочки безжизненных молекул полиэтилена, придавал ему эластичность. На таком гибриде можно рисовать художественные полотна или использовать его вместо обычной бумаги. Перспективы удивительные...

Самое интересное, что для получения аллена не надо менять технологию. Наоборот, отпадают дополнительные затраты на уничтожение этого взрывоопасного газа и очистку от него этилена. И здесь есть выгода. Но не нашелся хозяин, который бы взял проблему в свои руки. У каждого министерства были свои интересы. Правда, теперь, после недавнего Совещания по вопросам ускорения научно-технического прогресса в ЦК КПСС, положение меняется.

— Это не единичный пример,— поясняет мне Табер,— у отхода сегодня при действующей структуре хозяйственного механизма нет хозяина. У министерства одна забота — целевые продукты. Судьба отхода министерство не волнует, так как он не является номенклатурой его продукции. Но он, газ-то, получен из нефти, из нашего народного достояния, и поэтому его судьба должна стать предметом нашей общей заботы.

Н. ХЛЕБОДАРОВ.
Фото автора

хроника

МЕДАЛИ ВРУЧЕНЫ

Золотые медали имени М. В. Ломоносова — это высшие награды Академии наук СССР — присуждаются за выдающиеся достижения в области естественных наук. Причем ежегодно их вручается только две: одна советскому ученому и одна иностранному — таков статут этой одной из самых престижных в мире научных наград.

На общем собрании АН СССР в Москве вручены медали за 1984 год представителям двух тесно связанных наук: математики и физики. Интересно, что и самих награжденных — выдающегося советского математика, академика Н. Н. Боголюбова и крупнейшего западногерманского физика-экспериментатора Р. Л. Мёссбауэра — связывает давнее личное знакомство благодаря общности научных интересов.

Ю. БОРИСОВ.
Фото Юрия Туманова

На снимке: Н. Н. Боголюбов и Р. Л. Мёссбауэр

был чрезвычайно красив: большая, спокойная колоннада, выходящая на площадь, два крыльца, украшенные скульптурами и колоннами.

По первоначальному проекту башня высотою в 51 метр высилась над правым входом. Она напоминала известные венецианские башни. Это была идея архитектора В. К. Олтаржевского, помогавшего разрабатывать грандиозный проект, но потом Рерберг изменил облик башни и передвинул ее за пределы главного фасада. Новый ансамбль более соответствовал современному тогда направлению неоклассицизма в архитектуре, которого придерживался Рерберг.

Новое сооружение органически связывалось с городом. Архитектор предусмотрел обширную вокзальную площадь, открытую в сторону Бородинского моста. Но этот замысел в полной мере тогда осуществить не удалось. Детали фасада (бронзовые скульптуры над спаренными колоннами, бронзовые орлы на башне с часами, обращенной в сторону моста) перекликаются с бронзовыми военными атрибутами над колоннадами Бородинского моста.

В техническом отношении наибольший интерес представляет покрытие перронного зала пролетом 47 метров, длиной более 230 метров и высотой 30 метров. Зодчий с самого начала предусмотрел для этого ажурные металлические арки. На конструировании, изготовлении и монтаже различных металлических сооружений специализировалась тогда фирма Бари, известная главным образом благодаря деятельности ее главного инженера В. Г. Шухова — выдающегося конструктора, будущего почетного академика. Не изменяя принципиально намеченную Рербергом конструкцию, он упростил ее.

Прекрасно смотрится построенный Рербергом вокзал. Но ансамбль площади еще ждет своего завершения. И современным архитекторам есть чему поучиться у замечательного зодчего.

Г. М. ЩЕРБО,
председатель секции истории строительной техники АН СССР,
кандидат технических наук

страна родная

ФОНАРИ ИСТОРИИ

Маша впервые увидела Суздаль, когда ей было 15 лет. Родители тогда же показали ей и Новгород, и Ростов Великий; не к морскому побережью отдыхать везли они дочь, а в старинные русские города, на тихие лесные просторы. Не думала тогда Маша, что будущая профессия археолога навсегда свяжет ее с теми местами.

Интерес к русской старине передался Луговским от их деда — учителя гимназии. Это он воспитал в своих детях: талантливом поэте Владимире Луговском и литераторе Татьяне Луговской любовь к русской словесности, родной литературе. Все, кто его знал, говорили о нем как о человеке высоких нравственных принципов. И детям и внукам своим передал Александр Федорович эти принципы, не только словами, но личными поступками. В годы революции Александр Федорович Луговской создал одну из первых в стране трудовых сельскохозяйственных школ под Москвой и в голодное время гражданской войны руководил школой-колонией для беспризорников.

Еще студенткой археологического отделения исторического факультета МГУ Маша Луговская три летних сезона провела в Новгороде, а после окончания университета работала там еще десять лет.

...В назначенный день мы с Марией Владимировной, теперь уже не Луговской, а Седовой (муж ее — тоже археолог, доктор исторических наук), встретились у здания Исторического музея, где была организована выставка «Открытие древнего Новгорода».

— Такая богатая выставка по древнему Новгороду впервые состоялась в Москве,— рассказывает Мария Владимировна.— Глядя на стенды, я узнавала знакомые предметы, которые держала в руках только что отрытыми из земли... Сейчас же, собранные вместе впервые, они дают представление о яркой, самобытной культуре русского средневековья. Особенно интересны берестяные грамоты, изделия из резного дерева, музыкальные инструменты и, конечно, любимые мною поделки из цветных металлов...

Вторая «пламенная страсть» Марии Владимировны — древний Суздаль. О раскопках на суздальской земле не раз делала она доклады на международных конгрессах по славянской археологии.

Экспедиция Института археологии АН СССР, которой руководит кандидат исторических наук М. В. Седова, из отдельных «фрагментов» (орудия ремесел, произведения искусства, воинское снаряжение) восстановила, по существу, образ старого Суздаля.

Сохранились останки мостовой, частоколов, домов... По раскопанным усадьбам можно судить о жизни и быте их хозяев.

С XI века Суздаль становится не только крупным политическим и религиозным центром русского северо-востока, но и большим торгово-ремесленным городом; именно в это время идет застройка. Удалось определить и места, где изготовлялись строительные материалы: на берегу реки Каменки нашли остатки печей для обжига кирпича.

Каждое значительное событие в древнем Суздале, будь то пожар или неурожай, непременно находило отклик в летописи

Мария Владимировна Седова.
Фото С. Петрухина

того времени. Материалы археологической экспедиции подтвердили с точностью до года события тех лет, например, пожар в 1096 году.

— Долго ли еще будут археологи вести раскопки на суздальской земле?— спрашиваю я.

— Долго. Моим ученикам хватит и ученикам моих учеников...

...В прошлом веке русский историк В. О. Ключевский сравнил историю с фонарем, который светит из прошлого в будущее. История — наш опыт и наша память.

Л. КОРОБОВА

НАУЧНЫЙ КУРЬЕР

это интересно

ОПЫТ

...Профессор-физиолог Степан Кузьмич Орлов разрабатывает способ спасения жизни при сильных отравлениях, будь то интоксикация при почечных заболеваниях или попытка самоубийства ядом. В то время, когда идут исследования, от тяжелого недуга умирает сын Орлова. Профессор консервирует тело мальчика особым образом, надеясь после завершения научной работы оживить его. Опыты над собаками и кроликами венчает эксперимент по умерщвлению и последующему оживлению обезьяны Яшки. Физиолог — в преддверии великого открытия. Широкая огласка опытов Орлова настраивает против ученого местное духовенство: одна фанатичка убивает Степана Кузьмича... Такова фабула романа «Грань», вышедшего в 1930 году в издательстве «Недра». Его написал беллетрист Михаил Борисоглебский, ныне почти забытый.

В том же году Борис Лавренев опубликовал пьесу «Мы будем жить!». В ее сюжете много совпадений с романом: профессор, занятый методикой очищения крови от ядов, смертельно больной сын, опыт с обезьяной, оголтелые фанатики, готовые погубить исследователя, и т. п. Через три года Константином Треневым на очень схожий сюжет была написана пьеса «Опыт». В тридцать четвертом году на сцене Московского государственного театра ее поставил Юрий Завадский. И в этой драме фигурировал самоотверженный ученый и его умирающий сын, опыт с макакой Анашкой и темные религиозные силы... Писатели не заимствовали коллизий друг у друга, просто каждого взволновала одна реальная судьба.

Сейчас историю о профессоре Иване Петровиче Михайловском можно услышать, пожалуй, лишь из уст какого-нибудь весьма пожилого ташкентского интеллигента. А в двадцатые же годы отчеты об опытах физиолога И. П. Михайловского довольно регулярно появлялись в специальных медицинских изданиях, когда же он провел свой эксперимент с обезьяной Яшей, о нем заговорили и газеты. Яшу с трудом удалось заполучить под денежный залог в Ташкентском зоопарке, да и то при условии, что рядом будет все время находиться представитель этого учреждения. Макака-резус был обескровлен; кровь его сепарировали, отделенную массу красных кровяных телец разбавили искусственным физиологическим раствором и влили в бездыханный организм. Яша ожил.

Исследования в этом направлении И. П. Михайловский стал предпринимать еще до начала империалистической войны в Харьковском университете, имея за плечами уже довольно значительный опыт научной работы и медицинской практики (родился он в 1877 году). Но война прервала занятия ученого, ему вновь пришлось надеть форму военврача, вновь потому, что в этом качестве он уже участвовал в русско-японской войне.

После Великой Октябрьской социалистической революции в 1921 году он возглавил кафедру физиологии на медицинском факультете незадолго до того возникшего Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте. Но и там вернуться к исследованиям удалось не сразу: сказывалась нехватка опытных помощников и оборудования.

Лишь через три года он возобновил свои опыты. Кролику или собаке И. П. Михайловский вспрыскивал смертельную — «суперлетальную», как писал он в отчетах, дозу морфия, затем сцеживал кровь из организма, отделял от нее сукровицу, в которой содержалась основная масса яда, заменял ее искусственным физиологическим раствором и промытую таким образом кровь вводил в организм. Животное вопреки «здравому смыслу» оставалось жить. Методику профессор отработал настолько, что устраивал публичные демонстрации опыта.

По сути дела, он разрабатывал одно из направлений реаниматологии, которая как наука появилась лишь десятилетия спустя. Увлеченный талантливый исследователь опережал время. Он мечтал не только спасать умирающих, но и оживлять людей умерших. На двери его кафедры висела табличка со словами физиолога И. Лоэба: «Я не вижу оснований для пессимистических взглядов, согласно которым искусственное превращение мертвого вещества в живое никогда не удастся».

5 августа 1929 года И. П. Михайловский трагически погиб.

Л. БОЛОТИН

природа — наш дом

ОСТАЕТСЯ ПРОЗРАЧНОЙ

Если вам доведется побывать в Тольятти, где не первый год действует один из крупнейших автомобильных заводов страны, обратите внимание на то, что волжская вода близ завода по-прежнему прозрачная, а ведь ВАЗ — предприятие, для которого нужно огромное количество воды: около 200 миллионов кубометров в год. Вода необходима в литейном и кузнечно-прессовом производстве, в термических цехах и цехах защитно-декоративных покрытий, на сварочных и механосборочных участках. Немалое ее количество идет на охлаждение различного заводского оборудования. Словом, чтобы выпустить за ворота завода лишь одну машину «Жигули», нужно более 200 тысяч литров воды!

Вот почему при проектировании ВАЗа было решено создать замкнутую систему технического водоснабжения. При этом не только практически исключается попадание вредных веществ в реку, но и достигается исключительно высокая экономия водных ресурсов. На ВАЗе сегодня на так называемую оборотную воду приходится почти 90 процентов всего водного потребления.

— Во многих даже наиболее развитых странах мира на промышленных предприятиях в целях экономии не подвергается очистке дождевая вода. Она прямотоком сбрасывается в ливневую канализацию и через нее без какой-либо даже минимальной фильтрации — в ближайшие водоемы. — Рассказывает начальник сантехнического отдела ГИПРОавтопром В. Горапова. — А ведь дождевая вода, проходя даже небольшой путь по территории предприятия, может смыть такое количество загрязнений, которое по своей опасности не уступит промышленным отходам.

У нас, несмотря на немалые дополнительные расходы, очищается и поступает в производство и эта вода. Здесь мы получаем двойной эффект: не вредим природе и экономим пресную воду. Применяем мы и оптимальные системы очистки и доочистки сточных вод. Например, обрабатываем стоки электрическим током, разлагающим сложные загрязняющие вещества. Хорошо зарекомендовали себя пенополиуретановые фильтры с автоматическим восстановлением работоспособности.

А. РУСАКОВ

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

«КАНДИДАТ И РЕДИСКА»

Статья С. Калиничева «Кандидат и редиска», опубликованная в № 27 «Огонька» за нынешний год, вызвала много откликов. Читатели делятся раздумьями, высказывают свой взгляд на проблему, предлагают и конкретные меры, способствующие ее разрешению. Публикуем два письма из нашей почты.

ДОРОЖЕ ВСЕГО ВРЕМЯ

Уважаемая редакция! Поддерживаю выступление С. Калиничева «Кандидат и редиска». Действительно, шефство над колхозами и совхозами — тема, знакомая чуть ли не всем гражданам. Уж слишком многих работников заводов, фабрик, различных учреждений отвлекают на сезонные работы в поле, на овощных базах. У экономики много аспектов, в том числе и бережливое отношение ко времени занятого человека, специалиста в своем деле. Можно и нужно экономить на граммах горючего, на электроэнергии, на спичках и каплях водопроводной воды!.. Но еще дороже время, особенно рабочее время! Не секрет, и об этом пишет автор, что сильны иждивенческие настроения в иных хозяйствах, которые уповают на труд приезжих, но встречают их плохой организацией работы. Силы, живые руки привлечены, а нет подчас желания и умения использовать их с обоюдным интересом. И все это приносит немалый ущерб, но тут-то и требуется уточнить: ущерб кому? Только не колхозу или совхозу, которые равнодушны к потерянному времени горожан. Я предлагаю: пусть хозяйство полностью оплачивает труд своих шефов. Конечно, это предложение еще надо всесторонне обсудить. Но лично я думаю, это позволит сберечь и продукцию, и затраты физических сил, и рабочее время. Такая экономия всем выгодна, копилка у нас с селянами общая.

И. ДЕМИДОВ

Лыткарино
Московской области.

ПОМОЩЬ ИЛИ ПОВИННОСТЬ!

Выполнение Продовольственной программы — общее дело всех советских людей. Наша комплексная геофизическая экспедиция тоже не стоит в стороне от ее выполнения. Если на Украине действуют два калийных комбината и еще открыты крупные залежи апатитов, то в поиски этих месторождений—витаминов полей наши сотрудники внесли свой полновесный вклад. Мы ищем новые источники воды, выполняем другие работы, связанные с нуждами сельскохозяйственного производства... Но когда я собираю командиров отдельных служб и начинаю говорить о сельском хозяйстве, лица скучнеют. Все понимают, что снова надо будет «дать» столько-то людей для уборки редиски, заготовки сена, сортировки картофеля и т. д. и т. п.

До восьмидесяти процентов наших сотрудников — это люди с высшим образованием: программисты, математики. Много женщин. И с каждым годом все труднее уговаривать их на такого рода отработки, приказывать же я не могу, потому что ни в каких законах эти отвлечения от основной работы не оговорены.

Вот почему статья «Кандидат и редиска» заставила меня взяться за перо. В ней дан обстоятельный анализ создавшегося положения с расшатывающими дисциплину отвлечениями людей от основной работы, которые никак не узаконены, а потому бесконтрольны. Совхоз, колхоз, овощная база получают дармовую рабочую силу, которая по их собственным документам никак не проходит: ни платить за нее не надо, ни отчитываться.

Возьмем коллектив нашей экспедиции. Мы находимся на территории Бориспольского района, рядом с Киевом. За нами «закреплен» (или мы за ним?) совхоз «Вишняковский». Есть там и свекловичное поле, которое полностью на нашем попечении — от посева до уборки. Нашим же автотранспортом мы свозим эту свеклу в бурты. Кроме того, по звонкам из района выделяем людей на уборку редиса, помидоров, яблок и другие работы. Труд этот организован плохо, тяпки приходится покупать самим, да и нет соответствующего навыка у людей к подобной работе. Ну, скажем, заготовляем мы сено на неудобьях — в таких местах, куда не заехать косилкой. Сам я постарше других и умею держать в руках косу. А другие? Хорошо еще, что друг друга не покалечили. Да что рассказывать? Все эти нелепости известны всем и вся. Я уверен, что тот же программист, врач, токарь, слесарь гораздо больше принесут пользы (в том числе и непосредственно для выполнения Продовольственной программы), работая у себя в лаборатории или за верстаком с полной нагрузкой.

Конечно, нельзя оставаться в стороне, когда помощь действительно необходима. У нас был случай. Осенью синоптики предупредили, что идут ранние заморозки, а в районе свекла не убрана — погибнуть может. Знаете, людей не приходилось уговаривать. Все понимали: надо спасти, надо помочь. Или, скажем, нынешней зимой Киев в одни сутки занесло снегом. Непредвиденный случай. Святое дело горожан — прийти на помощь коммунальникам.

Мое мнение в этом вопросе однозначно: нельзя планировать в совхозе или колхозе работы, которые не могут быть выполнены своими силами. Ведь если делать себе покупки в расчете на зарплату соседа, можно и к цене не присматриваться. Отвлечений от основного дела не должно быть вообще. Считаю, что призывать людей для выполнения несвойственных им работ можно лишь в одном случае—в непредвиденном, скажем, урожай резко превысил запланированный, угроза гибели народного имущества и т. п. Во всех иных случаях жизни каждый должен заниматься своим делом и лично отвечать за определенный участок работы.

А. ПОЛИВАНЧУК,
начальник комплексной геофизической экспедиции

Р. Кудревич. Род. 1919, А. Гугель. Род. 1915. ПАРТИЗАНАМ БЕЛОРУССИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ. 1984.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

И. Заринь. Род. 1929. ОТЧИЙ ДОМ. 1985.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

ЮНОСТЬ ПЛАНЕТЫ

27 июля в Москве открылся XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Торжественная церемония состоялась на Центральном стадионе имени В. И. Ленина, трибуны которого вместили в этот день более ста тысяч зрителей. В центральной ложе стадиона — товарищи М. С. Горбачев, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, С. Л. Соколов, Б. Н. Ельцин, Л. Н. Зайков, В. П. Никонов, К. В. Русаков. Собравшиеся встречают их бурными, продолжительными аплодисментами.

Присутствуют Генеральный секретарь ЦК Компартии Вьетнама Ле Зуан, другие зарубежные государственные и политические деятели.

В ложах и на трибунах — заместители Председателей Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР, руководители министерств и ведомств, представители союзных республик, краев и областей, ответственные работники партийных, советских и общественных организаций, молодые передовики производства, деятели науки и культуры, студенческая и учащаяся молодежь.

Здесь же — руководители всемирных и национальных молодежных и студенческих организаций, члены Международного и Советского подготовительных комитетов фестиваля, зарубежные делегации. Присутствуют главы дипломатических представительств, аккредитованных в Советском Союзе.

Свыше 20 тысяч посланцев более чем из 150 стран мира собрал московский форум. Многие из его делегатов стали участниками марш-парада, длившегося на дорожке стадиона более двух часов. По традиции завершила эту манифестацию страна — хозяйка фестиваля. Две тысячи юношей и девушек входят в делегацию СССР. Каждый третий член делегации носит гордое звание рабочего или колхозника. В одном ряду с ними — представители студенчества, научной и творческой интеллигенции.

...Фанфары оповещают: «Слушайте все!» Выступает председатель Советского подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов В. М. Мишин.

Слово предоставляется секретарю-координатору постоянной комиссии Международного подготовительного комитета Жан-Клоду Кеннеди.

Ж.-К. Кеннеди объявил XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов открытым. Двенадцать юношей и девушек вносят на стадион развернутый флаг с эмблемой XII Всемирного молодежного форума. Честь поднять его была предоставлена термисту Никопольского Южнотрубного завода депутату Верховного Совета СССР Сергею Морозову, студентке Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской Ирине Остаповой и представителю молодежи острова Свободы двукратному олимпийскому чемпиону Альберто Хуанторена.

Теперь приходит время одному из главных этапов праздника открытия — зажжению фестивального огня. Свой путь он начал несколько часов назад у Кремлевской стены, от Вечного огня на могиле Неизвестного солдата, а коснулся священного пламени фестивальным факелом трижды Герой Советского Союза маршал авиации И. Н. Кожедуб. Затем факел, как эстафета,— в руках молодых. И вот открытая машина с фестивальным огнем в сопровождении почетного эскорта мотоциклистов въезжает на стадион и останавливается у Восточной трибуны. Факел держат делегаты фестиваля — слесарь-сборщик объединения «Уралмаш», лауреат премии Ленинского комсомола Павел Ратников и аспирантка Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова Галина Гагарина.

Огонь XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов зажжен!

С приветствием к участникам и гостям фестиваля обращается тепло встреченный собравшимися Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Его выступление было выслушано с большим вниманием и неоднократно сопровождалось продолжительными аплодисментами.

* * *

Центральным событием следующего дня фестиваля стал митинг, посвященный 40-летию Победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом. Выражая свое уважение к подвигам старшего поколения, манифестанты совершили «Звездный марш» по улицам города, завершившийся на стадионе «Динамо». Здесь и состоялся митинг.

В центральной ложе стадиона — товарищи В. В. Гришин, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, В. М. Чебриков, С. Л. Соколов. Участники митинга встречают их продолжительными аплодисментами.

К собравшимся обращается советский ветеран войны, человек, чьи подвиги увенчаны солдатским орденом Славы трех степеней и званием Героя Советского Союза,— Иван Григорьевич Драченко.

К микрофону один за другим подходят молодые посланцы юности Земли. Люди разных национальностей, идеологий, вероисповеданий, профессий едины в одном: войн быть не должно. Ни больших, ни малых, ни на Земле, ни в космосе. Нигде!

Митинг заканчивается. От имени молодых людей Земли его участники преклоняют головы перед мужеством и стойкостью прошедших через страшное горнило войны.

Затем на стадионе состоялось театрализованное представление «Мир победит войну».

* * *

Несколько рядов орденских планок на груди этого пожилого человека. Опирается на палку. Похоже, что и передвигаться-то ему нелегко. Но пришел все же на Комсомольский проспект, пришел, чтобы приветствовать делегатов XII Всемирного.

«Нет — звездным войнам!», «Запретить и уничтожить ядерное оружие!», «Миру — да!» — невозможно перечислить все лозунги, написанные на разноцветных транспарантах, что несут участники молодежного форума, направляясь в Лужники на его торжественное открытие. Музыка оркестров, песни, многоязычная речь сливаются в единую причудливую звуковую симфонию. «За мир и разоружение» — гремит усиленный громкоговорителями бас одного из участников английской делегации. «Нет — новой Нагасаки!» — выкрикивает по-русски группа японских юношей, ритмично передвигаясь в такт движениям своего «дирижера» — коренастого парня с мегафоном в руке. Они несут перед собой огромный красно-белый транспарант, исписанный иероглифами.

— Здесь, на транспаранте, мы написали лозунг фестиваля — «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!»,— поясняет нам одна из японских девушек, Эйкото Мия.— А еще все участники нашей делегации добавили к этому и свои личные пожелания успеха Московскому фестивалю и написали свои имена. Мы из лиги социалистической молодежи Японии. Она объединяет целый ряд прогрессивных молодежных организаций...

Шествие то и дело останавливается, потому что буквально через каждые несколько минут то тут, то там происходят импровизированные концерты: зажигательные латиноамериканские и африканские танцы мгновенно собирают толпы зрителей.

Но атмосфера всеобщего праздника, радость встречи и знакомства ни в коей мере не оттесняют на задний план того главного, ради чего съехались в Москву эти люди. Тревога за судьбы человечества, за судьбы всех, кто живет на нашей планете,— вот то чувство, которое объединяет делегатов XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов и москвичей, которые открывают свои окна и двери балконов, выходят на улицу, приветствуя борцов за мир.

...Идут в колоннах грандиозного шествия люди, чувствующие свою ответственность за будущее, которых волнуют и заботят проблемы войны и мира.

— Я вижу здесь людей неравнодушных,— говорит юная американка по имени Кэрол, из города Кливленда.— И это вселяет в меня уверенность в том, что мы можем общими усилиями остановить гонку вооружений...

Скептики утверждают, что войны были и будут всегда, несмотря ни на какое антивоенное движение. Но ведь было время, когда то же самое говорили о рабстве. Однако человечество уничтожило его. И теперь отчетливо видит главную опасность, главного своего врага — войну и империализм. Об этом говорят, об этом поют тысячи участников шествия.

— Эта церемония, которую мы сейчас видим, просто фантастична,— говорит Хорст Викнер из ФРГ.— По-моему, фестиваль — отличная возможность собраться вместе и обсудить все, что наболело.

Если бы можно было в эти часы взглянуть на столицу откуда-то с высоты, то картина представилась бы необычная. Праздник, начавшись в разных концах города, постепенно стекался к Лужникам ручейками и потоками пешеходов, длиннейшими цепочками фестивальных автобусов. А территория стадиона — иначе не сравнишь — могла показаться цветочной клумбой... Впрочем, любой наблюдатель не выдержал бы и опустился на землю, чтобы тоже оказаться в этой невероятно пестрой, ликующей массе народа, среди множества молодых лиц, смешения костюмов, разнообразия языков, ритмов и мелодий... Нет, не только описать — даже представить себе невозможно, чем стали Лужники к вечеру того дня!

Наконец все сконцентрировалось вокруг поля стадиона, покрытого ярко-зеленым синтетическим ковром, но шум не утихал: на трибунах гремели барабаны, звенели литавры, и множество молодых голосов скандировало лозунги, в которых чаще всего слышалось знакомое «фестиваль»!

Как, должно быть, волновались знаменосцы, по сигналу фанфар открывавшие парад! Но на красоте и четкости их движений это волнение никак не отразилось. Как все это было красиво, пестро, необычно! И совершенно поражала всех «живая картина» Восточной трибуны, где девять тысяч мастеров своего дела, мгновенно меняя в руках цветные флажки и предметы, создавали огромные многоцветные панно.

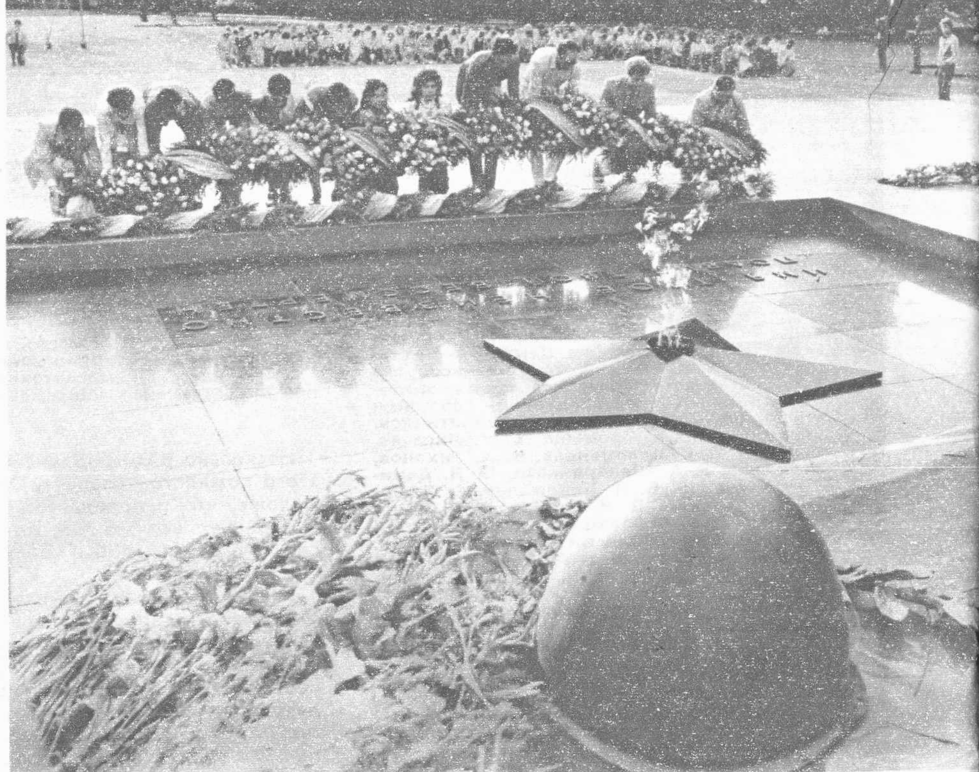
А что творилось на трибунах, когда начался парад делегаций! Настоящий шквал оваций, лозунгов, здравиц! Впрочем, там, в рядах делегаций, тоже в долгу не оставались: с первых же минут торжественное шествие несколько застопорилось, так как представители Бенина устроили на дорожке буйную национальную пляску. Эта импровизация на дорожке отнюдь не была исключением: во многих делегациях были танцоры, жонглеры и мастера, языком жеста выражавшие полноту своих эмоций. Кто-то нес с собой бубны, катил перед собой барабаны. Словом, сама жизнь, и только она, режиссировала это единственное в своем роде, поистине молодежное шествие посланцев планеты. А в иных случаях даже жеста не требовалось делегатам. Трибуны, казалось, не выдержат грома оваций, когда на дорожке появилась делегация Никарагуа, когда бок о бок с боевыми друзьями медленно, очень медленно шли на костылях патриоты Сальвадора... И никакие слова в те минуты не были нужны: молодежь мира здесь же продемонстрировала свое отношение к бушующим в этих странах проблемам.

Вот последней, заключая парад, появляется делегация СССР. Овации — это само собой, но весь переполненный стадион встает, и в едином порыве было нечто большее, чем обычная дань уважения нашей стране.

...В этом репортаже — впечатления лишь о самых первых фестивальных днях. Но и они далеко не полные: хотелось бы рассказать о грандиозном театрализованном представлении, состоявшемся на стадионе «Динамо»; мы не смогли рассказать о том, как делегаты фестиваля дружно и споро участвовали в строительстве памятника Победы, насколько серьезно с первых же минут завязались дискуссии в тематических центрах, на заседаниях «круглых столов». Ведь фестиваль — это не только веселье и отдых, это прежде всего напряженная работа, в ходе которой оттачиваются, укрепляются или, наоборот, обнаруживают свои слабые стороны те или иные мировоззрения: делегаты, собравшиеся на московский форум, выражают здесь самые различные общественные и политические взгляды. А что касается веселья и отдыха — тут гостеприимная Москва в полной мере оправдала свою славу хлебосольной столицы, отдала фестивалю лучшие свои залы, эстрады, концертные площадки... Событием дня стал небывалый по масштабам сеанс одновременной игры — его провели лучшие советские и зарубежные гроссмейстеры во главе с Анатолием Карповым. Встречаются художники разных стран, спортсмены, музыканты, артисты, открыты всевозможные выставки, гремят оркестры под открытым небом, идут экскурсии, и, конечно, повсюду завязываются самые широкие международные знакомства. Словом, фестиваль завоевал Москву — и сам попал в ее объятия...

Б. СМИРНОВ,
А. СОКОЛОВ

Праздничный салют в ходе театрализованного представления на стадионе «Динамо».

Возложение гирлянды цветов к могиле Неизвестного солдата.

Ливанцы — участники «Звездного марша».

Сражения — только в спорте!

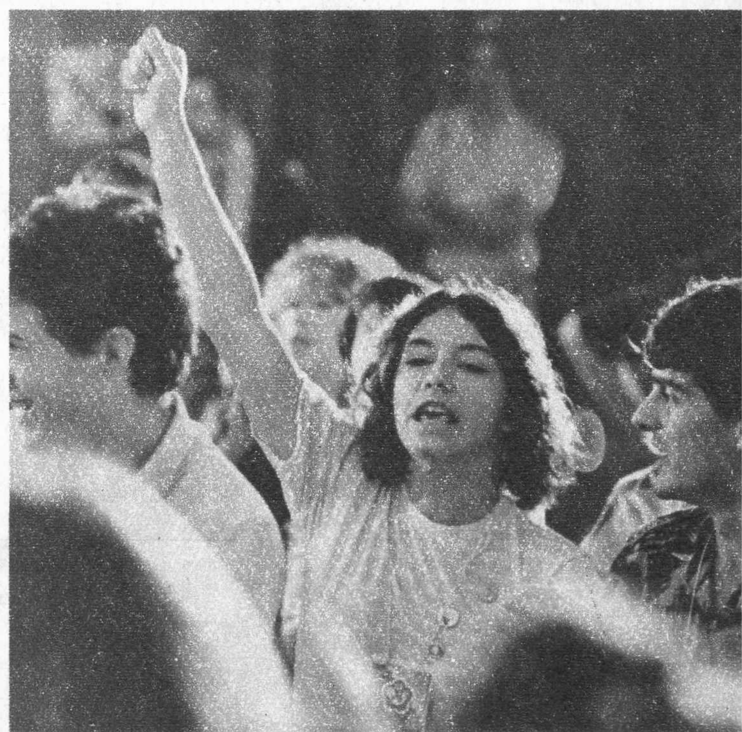

Миру — мир! Апофеоз театрализованного представления на стадионе «Динамо».

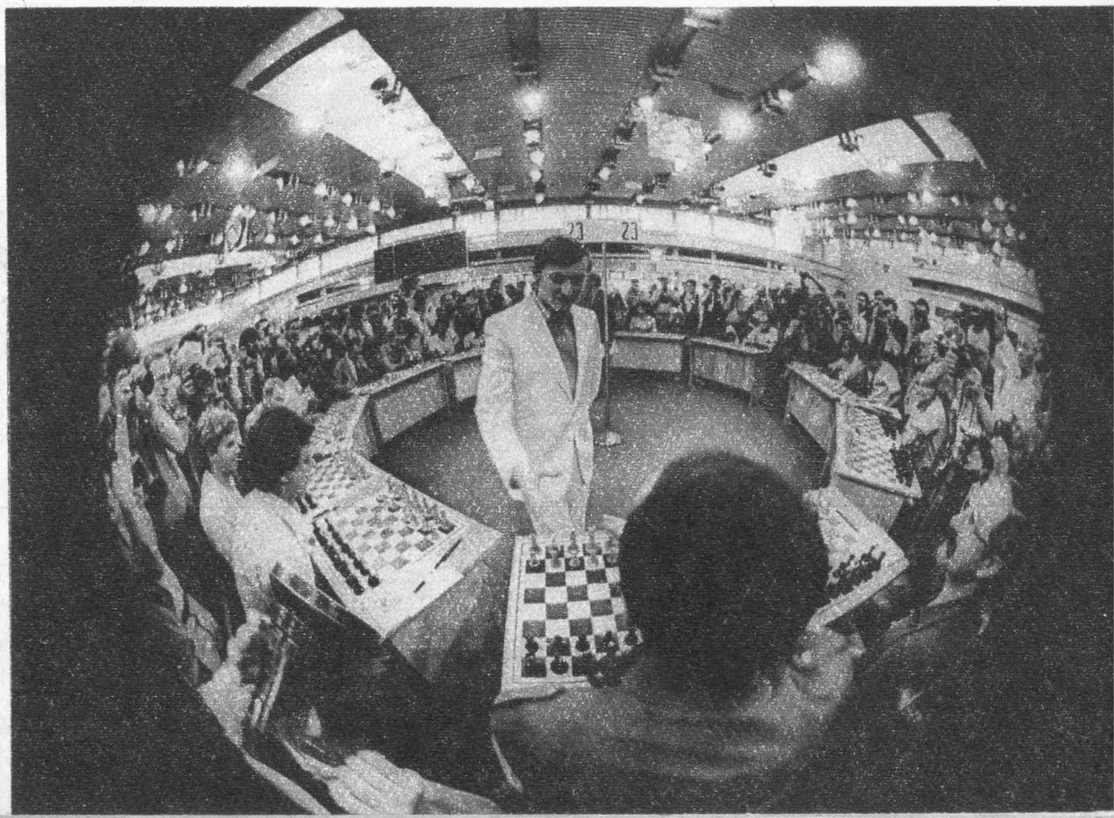

«Не дадим взорвать мир!»

Во время работы Антиимпериалистического трибунала.

А. Карпов играет белыми.

Посланцы планеты приняли участие в сооружении мемориального комплекса на Поклонной горе.

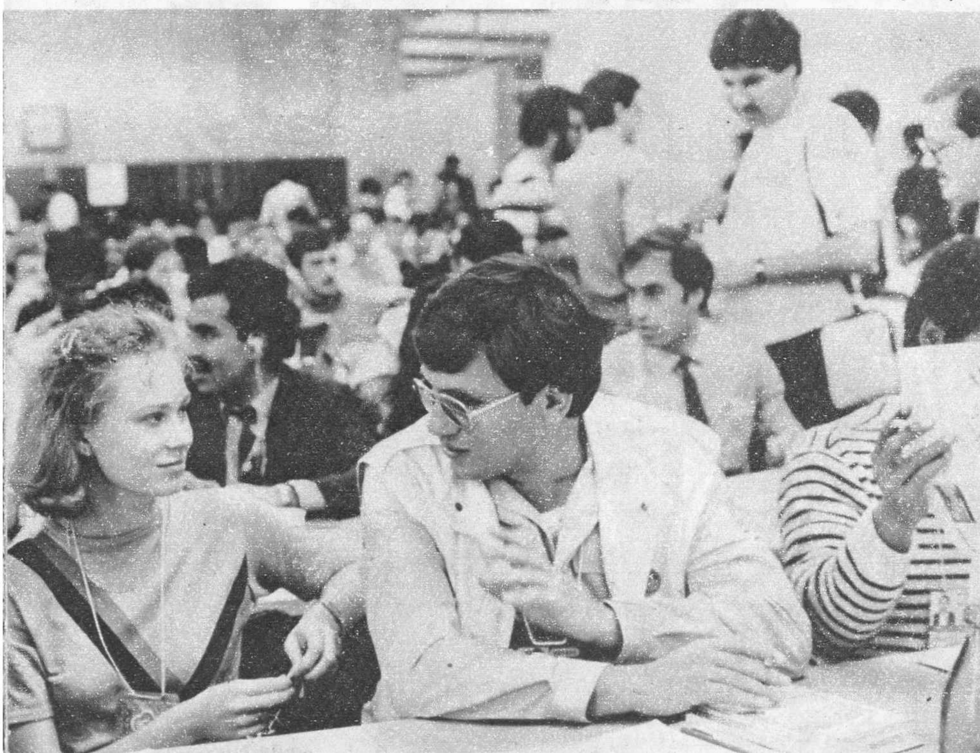

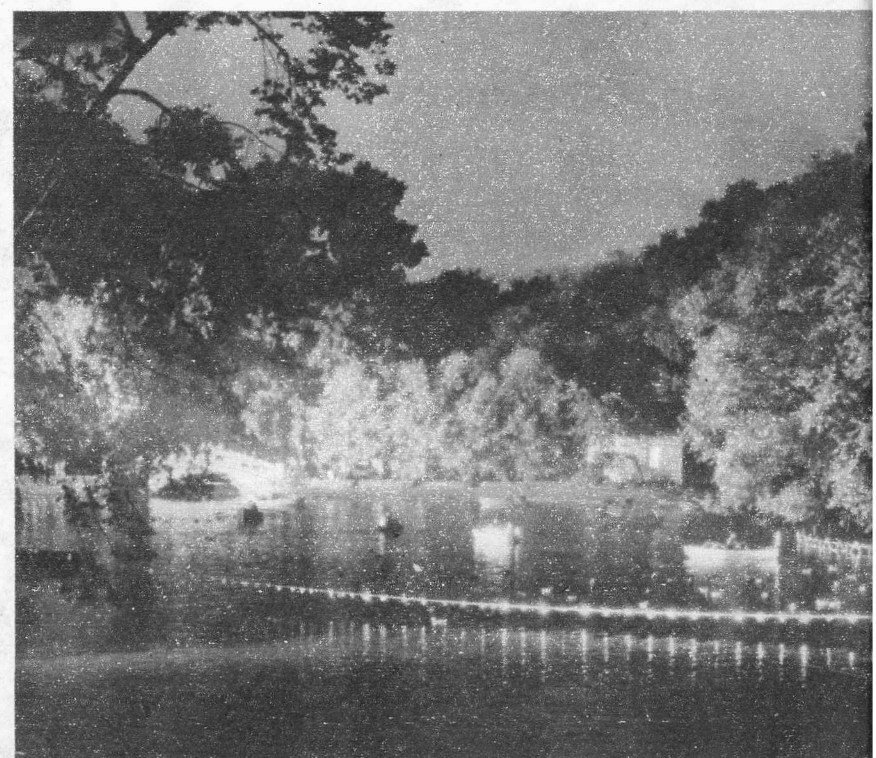
Творческий семинар художников — в рамках работы фестиваля.

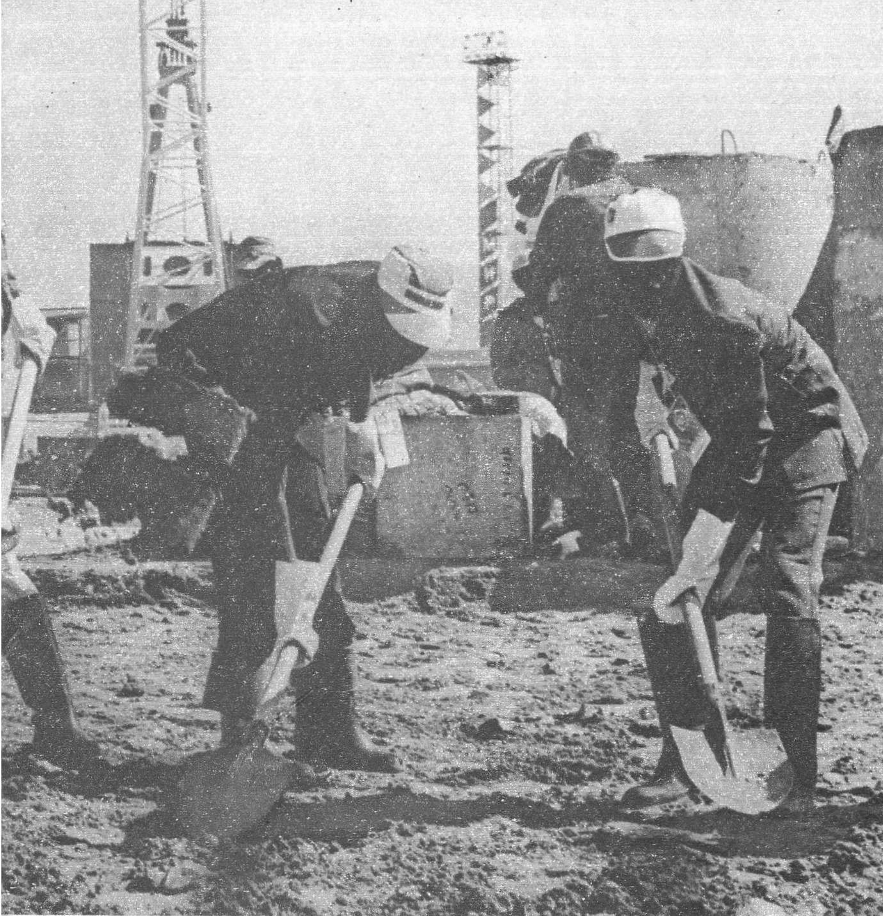

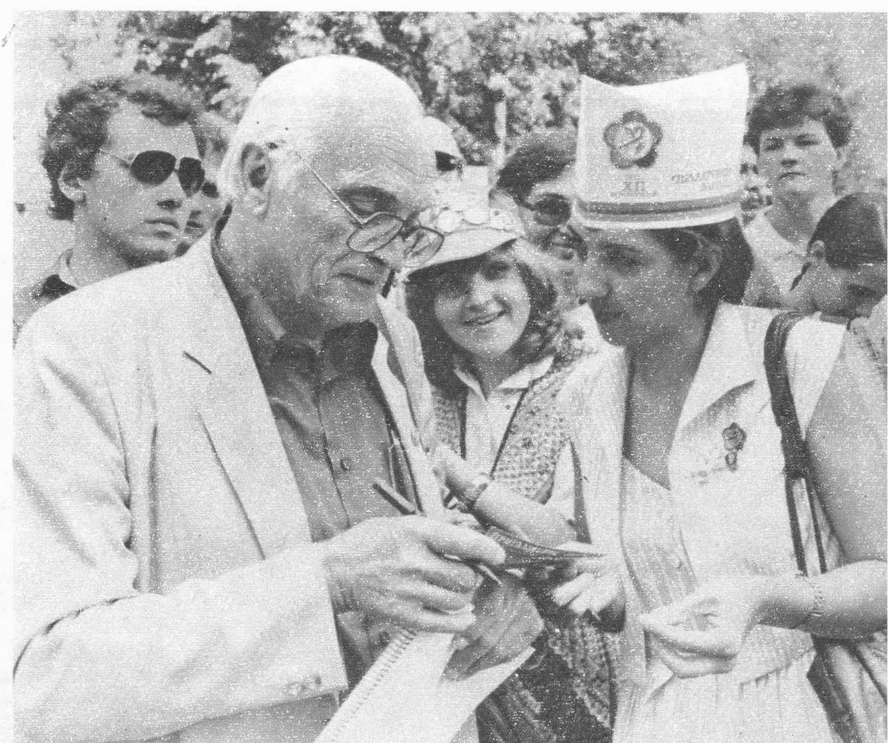
Делегаты ГДР в колоннах «Звездного марша» на Ленинградском проспекте.

Среди участников дискуссии в Университете дружбы народов имени П. Лумумбы Наталия Абросимова (СССР) и Огнен Чампаев (НРБ).

Почетный гость фестиваля Херлуф Бидструп дает автографы делегатам из Азербайджана.

Танцует Куба!

Студентка из Франции Стефани Урбах (в центре): «Осудим злодеяния фашизма!»

Праздник «Водная феерия» в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького.

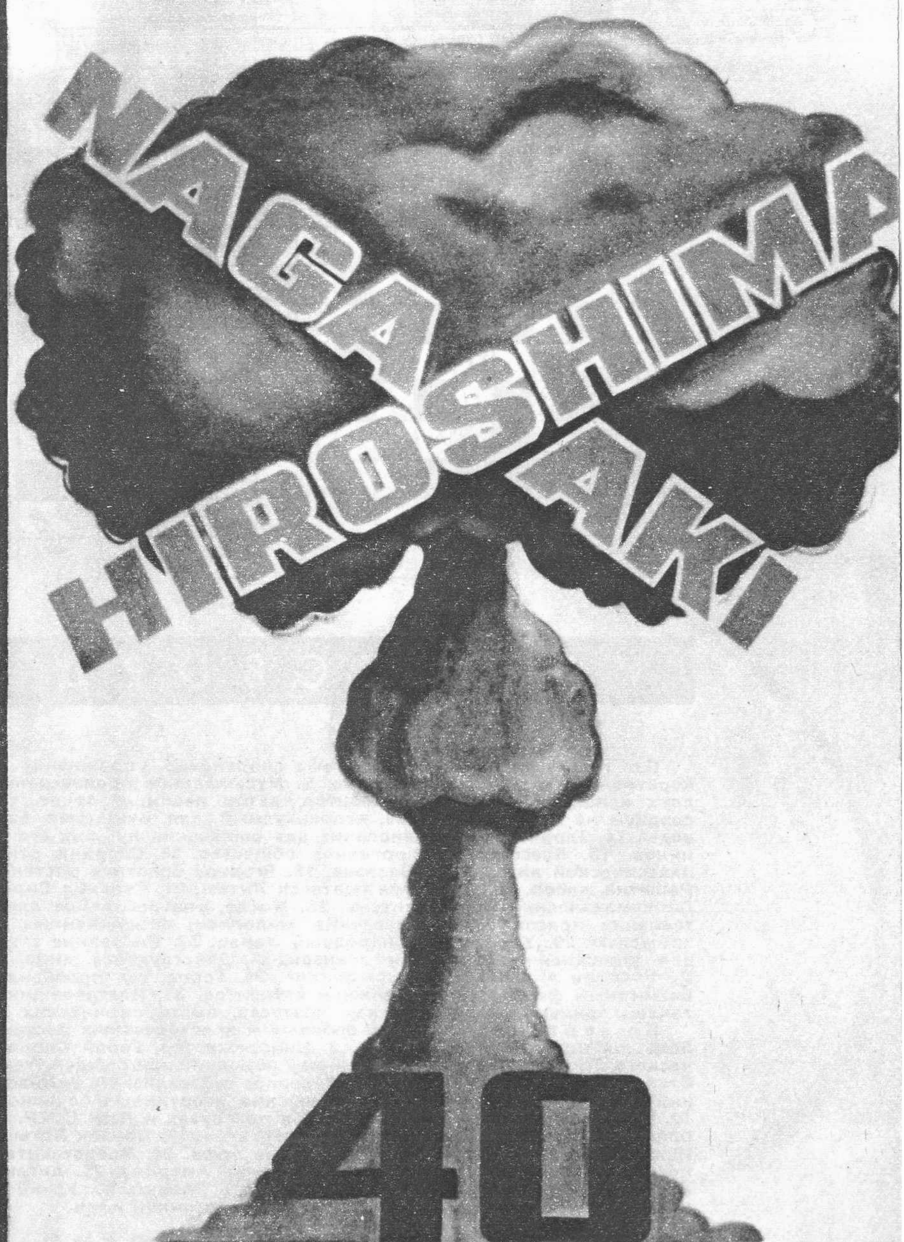

За мирное детство, против ядерной угрозы!

ЯДЕРНОЙ

Н

Йоко Мацубара — из второго поколения жертв атомной бомбардировки.

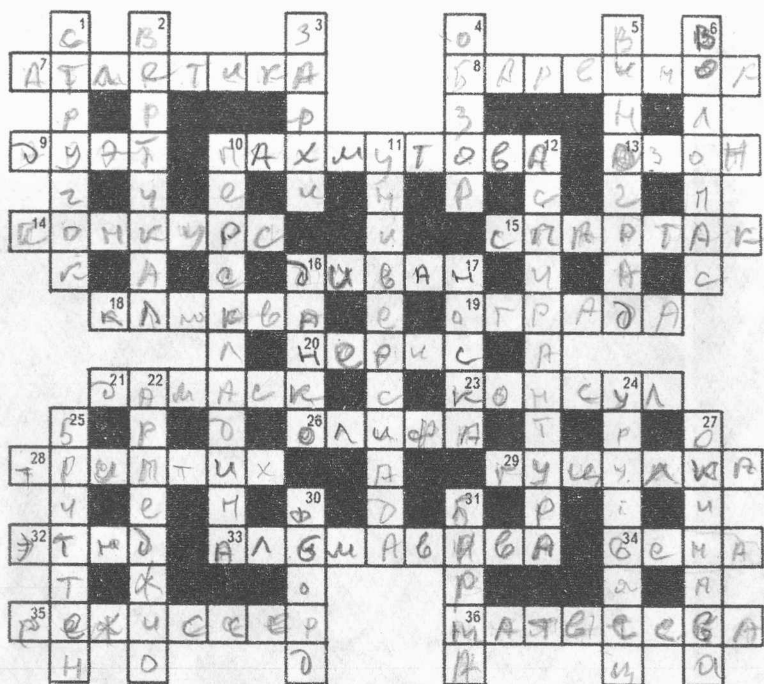

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 40-ЛЕТИЮ АТОМНОЙ БОМБАРДИРОВКИ ХИРОСИМЫ И НАГАСАКИ

SPECIAL EVENTS DEVOTED TO THE 40 TH ANNIVERSARY OF ATOMIC BOMBING OF HIROSHIMA AND NAGASAKI

СМЕРТИ –

Е Т !

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Система спортивных упражнений. 8. Декоративное травянистое растение. 9. Музыкальное произведение для двух исполнителей. 10. Композитор, автор песни «Главное, ребята, сердцем не стареть!» 13. Газ, используемый для очищения воздуха, воды. 14. Творческое соревнование для выявления лучших его участников. 15. Всесоюзное спортивное общество. 16. Сборник стихов в классической литературе Востока. 18. Ягодное болотное растение. 19. Решетка, забор. 20. Народная поэтесса Литвы. 21. Столица Сирии. 23. Дипломатический представитель. 26. Масло, употребляемое для изготовления красок. 28. Произведения живописи, объединенные одним замыслом. 29. Украинский народный танец. 32. Рисование с натуры для упражнения, заготовки эскизов. 33. Действующее лицо оперы Д. Россини «Севильский цирюльник». 34. Город, где проводился VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. 35. Постановщик спектаклей, фильмов. 36. Советская поэтесса, автор лирических песен.

По вертикали: 1. Плод бобовых и крестоцветных растений. 2. Большой круг небесной сферы. 3. Кинорежиссер, Герой Социалистического Труда. 4. Сжатое сообщение, объединенное общей темой. 5. Стихотворение А. С. Пушкина. 6. Северное созвездие. 10. Гимнастический снаряд. 11. Всемирные студенческие спортивные соревнования. 12. Форма подготовки научных кадров при вузах и НИИ СССР. 16. Герой рассказа М. Горького «Старуха Изергиль». 17. Приток Иртыша. 22. Исполнение звуков аккорда при игре на арфе. 24. Представитель основного населения государства в Южной Америке. 25. Английский композитор, пианист, дирижер. 27. Остров в Японии. 30. Узкий глубокий морской залив. 31. Государство в Юго-Восточной Азии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали: 5. Федерация. 8. Диктор. 9. «Катюша». 12. Гончар. 13. Шварц. 14. Индекс. 18. Гармоника. 19. Доминанта. 20. Романтика. 23. Белоруска. 25. «Неделя». 26. «Пряха». 27. Сласти. 30. Способ. 31. Регата. 32. Туркестан.

По вертикали: 1. Театр. 2. Петровна. 3. Маскарад. 4. Кисть. 6. Фигаро. 7. Ошанин. 10. Андромеда. 11. Теннисист. 12. Гагарин. 15. Стамати. 16. Лилия. 17. Шмель. 21. Нэлепп. 22. Аэробика. 23. Бухарест. 24. «Рулатэ». 28. Ассур. 29. Ягуар.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 15.07.85. Подписано к печати 31.07.85. А 04599. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 1894. Заказ № 1104.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Все, что осталось тогда от Хиросимы. Фото Джапан пресс — ТАСС

НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ...

Четыре десятилетия прошли с тех трагических дней, когда Соединенные Штаты совершили это страшное преступление, сожгли в атомном огне несколько сотен тысяч ни в чем не повинных людей. Мучительной болью живет в памяти человечества трагедия японских городов Хиросима и Нагасаки, ядерные удары по которым были нанесены 6 и 9 августа. Эта трагедия и сегодня напоминает о себе сообщениями о смерти «хибакуся», как называют в Японии тех, кто пережил бомбардировки. Эти люди умирают от лейкемии и других неизлечимых болезней, вызванных проникающей радиацией и световым излучением. Умирают и их дети...

Что думали те, кто применил это смертоносное оружие? Ведь ни для кого не было секретом, что военной необходимости в атомной бомбардировке не было.

Время изменило образ мыслей некоторых из числа причастных к атомной расправе над беззащитным гражданским населением, к ним пришло раскаяние, хотя и запоздалое. Но время не изменило самого главного — существа современного империализма. И по сей день он угрожает человечеству атомным апокалипсисом.

Жители Страны восходящего солнца свято чтут память погибших от ядерного смерча сорок лет назад. Во многих городах Японии воздвигнуты монументы, напоминающие о роковых августовских днях сорок пятого. Однако правительство Японии не извлекло из этого уроков. Напротив, оно потворствует незаконному ввозу в страну американского ядерного оружия, затягивает принятие государственного закона о помощи «хибакуся».

Весьма своеобразные «памятники» жертвам атомных бомбардировок есть и в США. Это, например, кощунственно сохраняемые в одном из музеев в штате Нью-Мексико макеты двух бомб, сброшенных на японские города. И сегодня, когда все прогрессивное человечество отмечает скорбную сороковую годовщину уничтожения Хиросимы и Нагасаки, они являются наглядными символами варварства, преступления американского империализма.

С. АНДРЕЕВ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Праздничное открытие фестиваля * Идет советская делегация.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва фестивальная * Идут посланцы Никарагуа * Танцы Гвинеи * Гостей праздника приветствуют вьетнамцы * Эти руни — символ дружбы пяти континентов. * На стадионе представители Греции.

Фоторепортаж с XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов вели А. БОЧИНИН, И. ГАВРИЛОВ, В. КИСЕЛЕВ, А. СИЗУХИН и ТАСС.

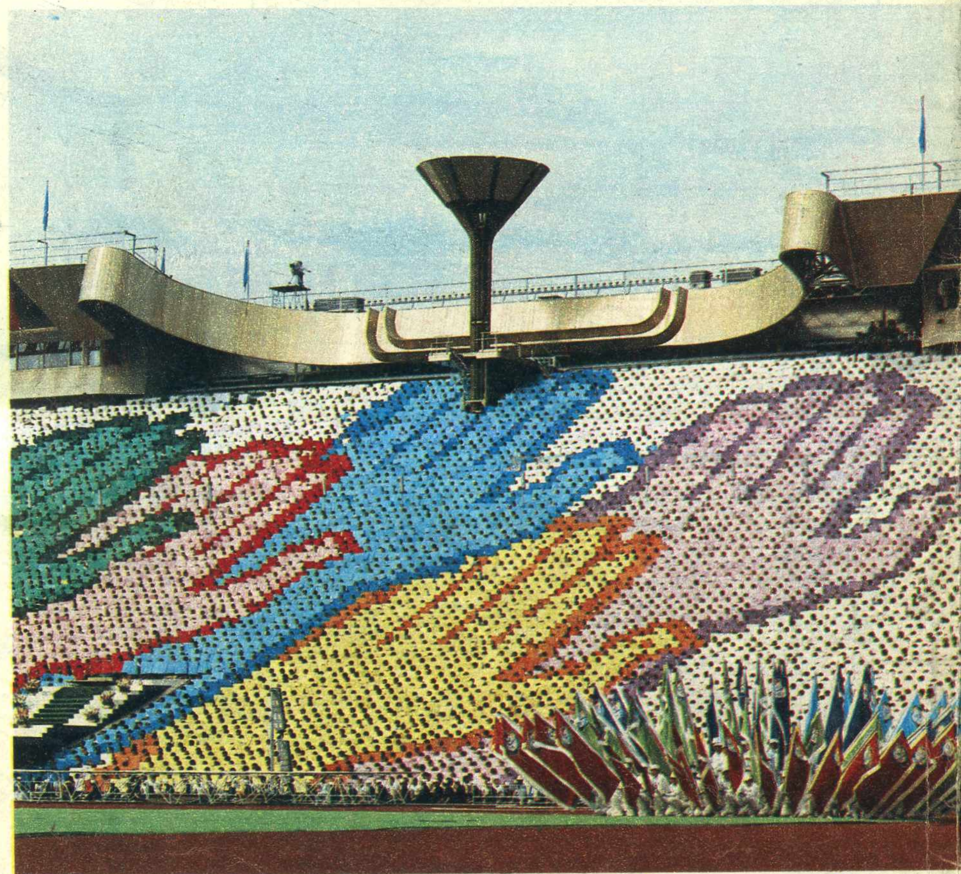
Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

